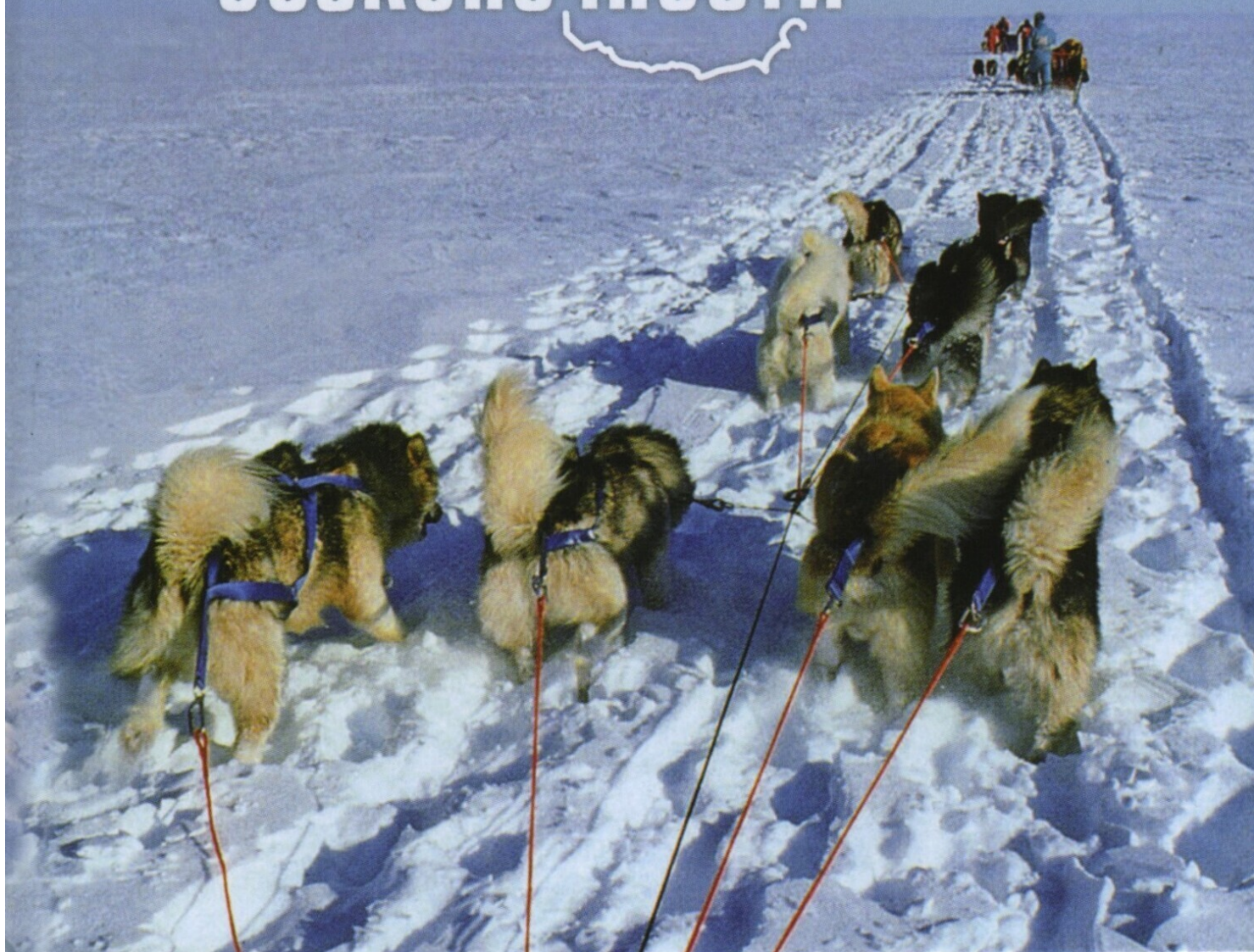

Виктор
Боярский

СЕМЬ
месяцев
бесконечности

От Полюса до Полюса

Виктор Боярский

Семь месяцев бесконечности

«Паулсен»

2010

УДК 910.3
ББК 26.89(88)

Боярский В. И.

Семь месяцев бесконечности / В. И. Боярский — «Паулсен»,
2010 — (От Полюса до Полюса)

ISBN 978-5-86983-060-9

Книга посвящена крупнейшей Трансантарктической экспедиции 1989 — 1990 г. Участникам этой экспедиции — представителям шести государств мира (США, Франции, Великобритании, Японии, Китая и СССР) удалось преодолеть на лыжах и собачьих упряжках более 6000 километров, пройти через Южный Полюс и впервые пересечь Антарктиду по самому протяженному маршруту без использования механических средств. Экспедиции предшествовала трехлетняя подготовка. Автор книги — ее участник — описывает свои встречи в США и Франции во время подготовки экспедиции, рассказывает о подлинных ее героях — собаках, их взаимоотношениях с участниками экспедиции и взаимоотношениях самих участников. Для широкого круга читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 910.3
ББК 26.89(88)

ISBN 978-5-86983-060-9

© Боярский В. И., 2010
© Паулсен, 2010

Содержание

Вместо предисловия	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктор Ильич Боярский

Семь месяцев бесконечности

Жене Наташе, поделившей со мною не только эти семь месяцев тревог, волнений и отчаяния, но и все шестнадцать предшествующих лет моей беспокойной жизни, посвящается эта книга.

© Боярский В. И., 2010

Вместо предисловия

Я долго думал над названием, которое бы объединило мои путевые заметки по смыслу и содержанию. В голове все время вертелось что-то вроде «На собаках через Южный полюс» или нечто более претенциозное, например, «Шестеро против Антарктиды» – так примерно назвал свою публикацию в «Нэшнл джиографик» Уилл Стигер. Но то название, что предложил мне мой друг, писатель Надир Сафиев, как мне кажется, очень точно отражает то, чем стала для каждого из нас эта экспедиция...

СЕМЬ МЕСЯЦЕВ БЕСКОНЕЧНОСТИ...

Бесконечность лыжного следа, убегающего за горизонт, бесконечность встречного ветра, бесконечность дней и бесконечность каждого дня...

Пролог

Самым популярным вопросом во всех многочисленных интервью, которые мы, участники Международной трансантарктической экспедиции, давали журналистам во время предстартовых сборов на ранчо одного из организаторов экспедиции Уилла Стигера в марте 1989 года в Миннесоте, был: «Зачем вы идете в Антарктику?»

Естественно, что все шесть участников, представители шести различных государств и люди различных профессий, давали на этот вопрос различные ответы. Как правило, ответы эти менялись от интервью к интервью; каждый из нас старался превзойти друг друга в остроумии и оригинальности – своеобразный конкурс капитанов в международном КВН. Но запасы остроумия и оригинальности быстро таяли и вскоре оказались исчерпанными. (У меня лично еще раньше иссяк запас английских слов.) В результате наши ответы звучали примерно так:

Уилл Стигер (США), 44 года, профессиональный путешественник, в 15-летнем возрасте спустившийся по Миссисипи от Миннеаполиса, своего родного города, до устья, в 19 лет совершивший восхождение на 6000-метровую вершину в Перуанских Андах, прошедший по Канадской Арктике более 15 000 километров на собаках и осуществивший в 1986 году американо-канадскую автономную экспедицию на лыжах и собачьих упряжках к Северному полюсу:
– Я делаю Это, потому что мне *нравится* делать Это!

Жан-Луи Этъенн (Франция), 42 года, врач, специалист в области спортивной медицины, совершивший кругосветное путешествие на яхте в экипаже Эрика Табарли, несколько восхождений в Гималаях и впервые в 1986 году достигший Северного полюса на лыжах в одиночку:

– Я стараюсь побывать там, где никогда не был. Антарктида – прекрасный шанс для меня как путешественника и человека, предпочитающего идти первым в неизведанное с тем, чтобы сделать его доступным многим...

Джеф Сомерс (Великобритания), 39 лет, плотник, в течение 1982–1985 годов работавший в составе Британской антарктической службы в качестве проводника и погонщика собак:
– Все это время, что я провел здесь по возвращении из Антарктиды, меня не покидало ощущение, что я нахожусь в отпуске и мне пора наконец вернуться на работу...

Кейзо Фунатсу (Япония), 32 года, бизнесмен из Осаки, в 1982–1986 годах проходивший обучение в искусстве управления собачьими упряжками на Аляске и в Колорадо:
– Моим идеалом является Наоми Уэмура. Именно под влиянием его книг я решил стать путешественником. Путешествие в Антарктиду – заветная мечта Наоми, осуществлению которой помешала его трагическая гибель. Я постараюсь выполнить его мечту...

Чин Дахо (Китай), 42 года, профессор гляциологии, провел две зимовки в Антарктиде, последнюю из них на острове Кинг-Джордж в 1987–1989 годах:

– В Антарктиде, как, пожалуй, нигде в мире, много снега и льда, и я, как профессиональный гляциолог, с большим нетерпением ожидаю от этой экспедиции интересных научных данных!

Виктор Боярский (СССР), 39 лет, кандидат физико-математических наук в области радиогляциологии, старший научный сотрудник Арктического и антарктического научно-исследовательского института:

– Я не профессиональный путешественник, но моя профессия очень тесно связана с путешествиями, и, несмотря на то что я уже четыре раза был в Антарктике, предстоящая экспедиция уникальна для меня прежде всего потому, что даст возможность пожить и поработать вместе с ребятами из других стран и испытать себя в условиях одной из самых трудных дорог на Земле – дороги через Антарктиду...

До начала экспедиции оставалось четыре месяца...

Глава 1

С теплого севера – на холодный юг

Миннеаполис – 90 градусов в тени. Хэмлинский университет. На трех двигателях на Кубу. Смерть на острове Свободы. На берегу пролива Магеллана. Ваш самолет из титана? Последняя ночь в цивилизации. Старт. Везение Боба Беати

Июль 1989 года, город Сент-Пол, штат Миннесота. Уже более двух месяцев нет дождей. Многочисленные световые табло, установленные в городе и вдоль ведущих из него автострад, высвечивают непривычные и пугающие цифры: 96–98 градусов. Осознание того, что это градусы по Фаренгейту, заметного облегчения не приносит.

Щедрое солнце Миннесоты, казалось, старалось изо всех сил, чтобы согреть нас, участников Международной трансантарктической экспедиции, собравшихся здесь на последние предстартовые сборы перед долгими холодными месяцами путешествия через Антарктиду.

Буквально накануне старта в состав экспедиции был включен китайский ученый, профессор гляциологии Чин Дахо. Мое первое знакомство с ним состоялось в марте 1989 года на ранчо Уилла Стигера, где мы собирались для проведения последней зимней тренировки, однако тогда наша встреча была мимолетной (я вынужден был вернуться в Ленинград, проведя на сборах всего два дня) и единственное, что я успел узнать о Дахо, так это то, что он практически ни разу не стоял на лыжах. Помню, сколько вопросов вызывало данное обстоятельство у корреспондентов, писавших о подготовке экспедиции, и как неизменно хладнокровно руководитель экспедиции Стигер отвечал на эти вопросы: «6000 километров – это более чем достаточно, чтобы научиться стоять на лыжах, даже профессору».

И вот сейчас мне предоставилась возможность узнать Дахо поближе. Нас поселили с ним в одном номере общежития Хэмлинского университета, который в эти предстартовые дни стал вторым домом для участников экспедиции и многочисленных помощников – главным образом жителей и жительниц Сент-Пола и Миннеаполиса, которые совершенно бескорыстно отдавали нам свободное время, помогая отбирать, упаковывать и сортировать все наше многочисленное экспедиционное снаряжение.

Чин Дахо – высокий (самый высокий среди нас, вот и думай после этого, что китайцы низкорослые), не атлетического сложения, в очках – как оказалось, провел уже две зимовки в Антарктиде: первую на австралийской станции Кейси в 1983–1984 годах, а вторую завершил буквально накануне, в феврале, на китайской станции Грэйт Уолл, расположенной на острове Кинг-Джордж, отправной точке нашей экспедиции. За год зимовки на станции Кейси он научился английскому, и уже после первого разговора с ним я понял, что мои надежды с приходом в команду представителя Китая переместиться по знанию языка на почетное пятое место не имели под собой серьезных оснований – я так и остался на последнем. Тем не менее этих знаний оказалось достаточно, чтобы в деталях обсудить с Дахо нашу научную программу – он собирался заняться отбором проб снега по всему маршруту экспедиции, что полностью перекликалось с гляциологической частью моей научной программы, – и мы здесь же в номере отеля «Сахара» (так назвал профессор наше огнедышащее, лишенное кондиционеров общежитие) заключили с ним договор о научном сотрудничестве. Теперь Чин Дахо нес ответственность за всю гляциологическую программу, а я должен был выполнять метеорологические и озонные наблюдения.

Хэмлинский университет предоставил в наше распоряжение часть своих помещений. Самое большое из них, площадью около 1000 квадратных метров, было отведено для сортировки и упаковки экспедиционного снаряжения. Еще во время весенних сборов Уилл определил, что стартовые двойки будут выглядеть следующим образом: Жан-Луи Этьенн пойдет вме-

сте с Кейзо Фунатсу, Джеф Сомерс – вместе с Чином Дахо, а сам Стигер – со мной. Принцип разбивки на двойки полностью оправдал себя в Гренландии, поскольку при этом обеспечивается полная автономия каждой пары (своя упряжка, своя палатка, полный комплект лагерного снаряжения, продовольствия, корма для собак и горючего) и большая безопасность и мобильность всей маршрутной группы. Персональный же состав каждой пары на стартовом этапе, как на одном из наиболее сложных, подбирался так, чтобы в каждой двойке был один профессиональный каюр (в нашей команде ими были Стигер, Сомерс и Фунатсу), а кроме того, по принципу наибольшей совместимости – здесь уже помог опыт Гренландской экспедиции. Джеф, лучше всех нас знающий условия Антарктического полуострова, взял шефство над Дахо.

И точно в соответствии с этим разделением на три экипажа для каждого из них в зале были установлены три большие деревянные платформы. Одежда и все снаряжение для всех участников складывались в центре зала, и из этой огромной горы мы растаскивали все необходимое к своим платформам для упаковки. Компания «Норт фэйс» явно перевыполнила свои обязательства по пошиву экспедиционной одежды, изготовив по восемь-десять комплектов каждого наименования. Насыщенные, яркие цвета одежды, продуманные до мелочей детали (мы принимали самое деятельное участие в обсуждении этих самых деталей и выборе цвета вместе с главным дизайнером фирмы Марком Эриксоном), конечно, вдохновляли, но одновременно вызывали во мне грустные воспоминания о мрачных защитных и полужащитных тонах одежды наших полярников, о совершенно непостижимой пропорции между размерами брюк и курток, входящих в один комплект. Надо было видеть восторг всех присутствующих, когда мы облачились в комбинезоны. Уилл и Жан-Луи стали оранжевыми, Джеф и Кейзо – светло-зелеными, а я и Дахо – фиолетовыми. Костюмы одного цвета отличались только отделкой и флагами стран-участниц на спине, причем нас с Дахо из-за сильного сходства флагов различить со спины было практически невозможно. Постоянно улыбающийся и очень подвижный Марк, обливаясь потом, демонстрировал на себе, как на манекене, все образцы одежды, а его помощники доводили костюмы до совершенства на установленных здесь же в зале швейных машинах.

Нам предстояла довольно трудная задача – отсортировать и упаковать в четыре огромных белых нейлоновых мешка всю одежду и спальные мешки. По плану обеспечения экспедиции предполагалась замена одежды и спальных мешков в следующих точках маршрута: ледник Вейерхаузер, горы Элсуэрт и Южный полюс.

Вся одежда, включая обувь, была изготовлена из синтетических материалов с использованием в качестве ветрозащитной прокладки полимерной пленки производства фирмы «Гортекс» – одного из основных спонсоров экспедиции. Надо признаться, что после гренландского перехода у меня были определенные сомнения по поводу нашей экипировки, особенно в отношении обуви. Мне казалось, что на Антарктическом куполе в районе станции Восток при морозах около 50 градусов этой обуви будет недостаточно, поэтому я прихватил с собой две пары валенок, два шерстяных свитера, несколько пар унтят (меховых носков), а также бесчисленное множество шерстяных носков, перчаток и рукавиц. Когда мешки были собраны, они стали напоминать огромные белые бревна высотой почти в человеческий рост и диаметром более полуметра. На каждом из них толстым черным фломастером были выведены наименования пунктов маршрута, куда их необходимо было доставить. Таким образом, в результате упаковки у нас образовались четыре внушительные поленницы из этих бревен с названиями «Старт», «Ледник Вейерхаузер», «Элсуэрт» и «Южный полюс».

Все необходимое лагерное снаряжение, включая бензиновые примусы, полиэтиленовые канистры для бензина, алюминиевые баллончики для примусов, веревки, посуду, карабины, щетки и т. д., мы упаковали в легкие фанерные разноцветные ящики, предназначенные для установки непосредственно на нарты. Мы использовали в экспедиции нарты двух типов: нарты конструкции Нансена, изготовленные в Англии Джефом, и эскимосские нарты типа

«Каматэк». Нансеновские нарты, несколько уступающие эскимосским по длине, что делало их менее устойчивыми при езде по застругам, выгодно отличались наличием изготовленных из многослойной фанеры арочных мостов, соединяющих полозья и придающих нартам необходимую устойчивость к боковым нагрузкам. Кроме того, предусмотрительный Джеф приспособил к ним тормоз – длинную прочную доску, прикрепленную к одному из передних мостов и снабженную на конце, немного выступающем за заднюю кромку нарт, стальными шипами: таким образом, при необходимости, наступая на этот край доски, каюр мог притормозить нарты. (Как мы жалели потом об отсутствии этого нехитрого устройства на остальных нартах, когда стремительно спускались с крутых бесснежных холмов Антарктического полуострова.)

Здесь же в этом зале перед упаковкой мы опробовали палатки. Палатки были двух типов – купольные и пирамидальная. Купольные – разработки все той же компании «Норт фэйс» – состояли из легкой внутренней палатки, натягиваемой на каркас из шести тонких алюминиевых трубок, и более плотного ветрозащитного купола, устанавливаемого отдельно и прикрепляемого с помощью пружинных пластмассовых замков к внутреннему каркасу. Купол был выкроен так, что часть его, выступающая за пределы каркаса, укладывалась плоско на поверхность, окружающую палатку, что давало нам возможность, присыпая края снегом, защищать пространство между внутренним и внешним чехлами палатки от попадания снега во время метели. (В Гренландии мы сумели убедиться в абсолютной необходимости этих мер, после того как однажды утром после пурги под тяжестью снега, набившегося между чехлами палатки, просел ее потолок, придавив упакованного в спальный мешок Уилла.)

Этот день вошел в летопись гренландской экспедиции как День Помпеи.) Максимальные размеры купольной палатки были примерно 3 г 2 г 1,5 кубических метра. Пирамидальная палатка представляла собой четырехгранную пирамиду высотой немногим более 2 метров и размерами по основанию 2 г 2 квадратных метра. В отличие от купольной, эта палатка не имела пола (полом служил настилаемый отдельно кусок нейлона). Обе палатки имели специальные узлы для крепления оттяжек. Установленные в зале палатки сразу же придали атмосфере сборов экспедиционный колорит. Были принесены лыжи, все окрашенные в темно-фиолетовый цвет с тем, чтобы, как этого требовала деликатная политика взаимоотношений со спонсорами, марка лыж (а это были лыжи «Фишер» – фирмы, не являющейся нашим основным спонсором) не попадала бы слишком часто в поле зрения кино- и фотокамер наряду с названиями фирм – официальных спонсоров экспедиции. Лыжи были пластиковыми с металлическим кантом и так называемой рыбьей чешуей на скользящей поверхности, чтобы максимально ослабить противобход. Вместе с лыжами появились лыжные пластиковые палки производства финской фирмы «Эксел» длиной от 135 до 150 сантиметров. В Гренландии я использовал палки длиной 155 сантиметров и привык к ним, сейчас пришлось довольствоваться самыми длинными из принесенных.

Уилл использовал палки длиной 135 сантиметров, лыжи же у нас были одинаковые – 200 сантиметров. Поэтому на наши нарты мы взяли три пары лыж и четыре пары палок. Каждому участнику было выдано по три сумки для упаковки одежды и снаряжения, которые предполагалось везти на нартах. Сумки различались по цвету и размеру, кроме того, для надежности на каждой из них красовалась фамилия участника.

Было очень интересно наблюдать, как хрупкая Ясуе Акимото, подруга Кейзо, прилетевшая с ним из Японии, заботливо упаковывает для него бесчисленные баночки, кулечки и мешочки со специями – неизменными атрибутами японской кухни. (С какой благодарностью мы будем впоследствии вспоминать Ясуе, скрашивая надоевшее за много месяцев меню запахами японской кухни.)

В таких сборах незаметно пролетела неделя. Надо сказать, что в этот период мы участвовали еще и в различных шоу, основной целью которых был, конечно же, дополнительный сбор средств в фонд экспедиции. Для этого был специально оборудован огромный автобус,

на борту которого были достаточно похоже нарисованы наши физиономии и крупными буквами набрано «Экспедиция „Трансантарктика”». Внутри автобуса размещалась экспозиция: муляжи собак и лыжников, в которых было достаточно просто узнать Стигера и Этьенна, а также многочисленные фотографии с фрагментами гренландской экспедиции. Все это демонстрировалось под фонограмму, воспроизводящую свист ветра, вой собак и крики погонщиков. Мы разъезжали на этом автобусе по городу и во время остановок давали автографы, и надо сказать, что желающих посмотреть выставку и получить автограф было предостаточно. Запомнился еще один оригинальный и сравнительно честный способ изымания денег у доверчивого населения Миннеаполиса и Сент-Пола. В крупнейшем универмаге города в холле был постелен ковер, выполненный в виде огромной цветной карты Антарктиды с нанесенным на ней маршрутом нашей экспедиции. На карте были показаны места расположения промежуточных складов с продовольствием и антарктических станций. (Не обошлось и без курьезов: наряду с симпатичными и важными пингвинами – коренными жителями Антарктики – на карте присутствовал и... белый медведь.) Все посетители и главным образом, конечно же, дети с видимым удовольствием шагали нашим маршрутом. Рядом с картой был установлен длинный стол с десятком телефонов. Рано утром по радио было объявлено, что каждый, желающий поддержать экспедицию, может внести на ее счет 25 долларов за любую понравившуюся ему милю всего 4000-мильного маршрута, сообщив об этом по телефону непосредственно участникам экспедиции. Мы все дружно дежурили у телефонов, и три часа нашего дежурства позволили добавить около 18 000 долларов в фонд экспедиции.

Наступило 14 июля. Поздней ночью, когда жара немного ослабила свои липкие объятия, я встречал самолет Ил-76 ТД в международном аэропорту Миннеаполиса. Эта огромная четырехмоторная похожая на хищную птицу машина, способная везти до 40 тонн груза на расстояние более 5000 километров, в 1984 году открыла путь большой авиации в Антарктику, впервые совершив перелет по маршруту Ленинград – Мапуту – станция Молодежная. Перед экипажем самолета сейчас стояла исключительно сложная и рискованная задача: необходимо было приземлиться на аэродроме острова Кинг-Джордж, длина взлетно-посадочной полосы которого составляла только 1300 метров, что было почти на полкилометра меньше существующих в авиации норм для машин такого класса. Кроме того, в июле в Антарктиде самый разгар зимы со всеми ее атрибутами: неустойчивой погодой, коротким световым днем, – поэтому нетрудно представить себе, что значит посадить такой самолет.

Гейл Шор, молодая, спортивного вида женщина, одна из многочисленных волонтеров, помогающих экспедиции, в задачу которой входило решение вопросов размещения, питания и обеспечения транспортом участников экспедиции и всех прибывающих гостей, заехала на автобусе в отель «Сахара», и мы отправились в аэропорт на встречу самолета. Нас пропустили на территорию аэропорта через какие-то боковые ворота, и я, оставив Гейл дожидаться в автобусе, пошел к месту стоянки самолета в сопровождении плечистого белокурого парня в темно-синем комбинезоне, который, знакомясь, протянул мне руку и вдруг по-русски произнес: «Павел». Пока мы шли в кромешной тьме, слегка разбавленной только фонариком Павла и мерцающими в отдалении огнями взлетно-посадочной полосы, я узнал, что настоящее его имя Пол, что он давно изучает русский язык и что он рад, что именно в его дежурство прилетает советский самолет. Действительно, прибытие советского самолета в Миннеаполис – это событие не только для Пола и других дежурящих с ним в ту ночь сотрудников аэропорта, но и для большинства жителей города, а если судить по откликам прессы, то событие это должно было стать знаменательным в истории отношений СССР и США. Дело в том, что советские самолеты регулярно выполняют полеты только в Нью-Йорк и Вашингтон, полеты же над территорией США до последнего времени были запрещены, и это был второй случай в практике послевоенных взаимоотношений наших стран, когда советскому самолету было разрешено пролететь над территорией США. Первым же случаем был тот, когда в декабре 1987

года после трагического землетрясения в Армении советские транспортные самолеты возили из многих «запрещенных» аэропортов медикаменты и оборудование, предоставленные США в помощь пострадавшим от землетрясения. И вот сейчас идея международной трансантарктической экспедиции, объединившая шесть человек из шести стран мира (а также многочисленных друзей и сторонников этой идеи), еще до начала самой экспедиции стала работать как хороший дипломат.

Большая, освещаемая только проблесковым красным огоньком на хвостовом оперении тень самолета плавно коснулась земли и, следуя за невидимой нам машиной сопровождения, направилась в нашу сторону. Шум стал нарастать, самолет, все увеличиваясь в размерах, подъехал к нам и, покачиваясь своим огромным телом, развернулся, выдохнув из четырех ревущих глоток насыщенный керосином горячий воздух. Пол, обращаясь ко мне, заметил: «У них, кажется, что-то не в порядке с турбиной. Нам сообщили о неполадках в одном из двигателей». Я поначалу не отреагировал на эту фразу, всецело поглощенный предстоящей встречей, и только когда, встретив сразу же за входным люком руководителя перелета Артура Чилингарова, услышал вместо приветствия: «Ты знаешь, что мы на трех двигателях пришли?» – понял, что случилось нечто непредвиденное. Как выяснилось, когда самолет находился уже где-то в районе Чикаго, один из двигателей внезапно сбросил обороты. Экипаж самолета принял решение продолжать полет и успешно посадил машину в Миннеаполисе.

Что делать дальше? Вариант полета на трех двигателях исключался, поскольку, во-первых, путь неблизкий – более четверти окружности земного шара, – да и предстоящая посадка на Кинг-Джордже тоже не из числа рядовых, а во-вторых, американские власти, естественно, не дали бы разрешения на вылет самолета с пассажирами при одном неработающем двигателе. Наши механики (а их прилетело около десяти человек) после исследования отказавшего двигателя пришли к выводу, что вышедший из строя механизм регулировки газа можно заменить только вместе с двигателем. Ближайшим местом, где имелись такие двигатели, была Гавана, но как до нее долететь?! Стали обдумывать даже вариант о доставке двигателя из Гаваны самолетом транспортной авиации США, но это грозило задержкой времени, нам же никак нельзя было тянуть со стартом, намеченным на первое августа...

Я находился на борту самолета в ночь с 15 на 16 июля, когда вся сборная механиков, используя метод мозгового штурма, пыталась обмануть природу и отчасти (а может, и в большей степени) бдительность аэродромной службы, заставляя капризный двигатель держать обороты. И вот, наконец, после многократных запусков и остановок, часа в два ночи мы все, сидевшие в салоне и наблюдавшие за этим захватывающим поединком между русской смекалкой и русским невезением, почувствовали вдруг, как ожил корпус самолета и двигатель вместо очередного усталого выдоха запел в полный голос.

Придирчивая комиссия аэропорта утром 16 июля, осмотрев самолет и погнав двигатель, дала разрешение на вылет. Часов в одиннадцать утра началась погрузка. Самолет, вывалив на бетон полосы язык аппарели и распахнув задние створки, покорно ждал своей участи, отбиваясь от нещадно жгущего солнца полированным алюминием откинутых назад крыльев. Горы экспедиционного снаряжения, продовольствия и самых различных грузов лежали рядом с развернутой пастью самолета, ожидая своей очереди на погрузку, четкого представления о которой, казалось, не было ни у кого из находящихся поблизости людей. Обращали на себя внимание своими размерами и красочным оформлением нарты (на полозьях нарт Стигера можно было прочесть «Международная экспедиция „Трансантарктика-1990”» и «Руал Амундсен», на полозьях нарт Кейзо – «Уэмура»), а также клетки для собак – большие белые фанерные ящики с решетчатой дверцей и с отверстиями для вентиляции в крышке. Корм для собак, упакованный в большие плоские картонные ящики, был сложен штабелями уже на поддонах. Но, конечно же, всеобщее внимание было приковано к собакам, которые лежали на жухлой выгоревшей траве, привязанные к проволочной изгороди, отгораживающей аэродром от про-

ходящего рядом шоссе. Многие собаки были покрыты клочьями шерсти – результат еще не закончившейся сезонной линьки.

Я подошел к собакам и направился вдоль этого лохматого строя, вглядываясь в глаза каждой из них, узнавая знакомцев по гренландскому переходу и знакомясь с новичками, приобретенными незадолго до этого на севере Канады в эскимосских деревушках. Большинство из них было светлой, практически белой, масти и среднего размера. Мой любимец Чубаки заметно окреп за год, прошедший после окончания гренландской экспедиции, и его прежде ярко-голубые глаза немного посветлели. Огромный черный Годзилла, казалось, вырос еще более, но так же дружелюбно смотрел на меня своими разноцветными глазами (у него, как у многих собак выведенных скрещиванием колорадских лаек с эскимосскими собаками, глаза разного цвета: один – голубой, а другой – карий). Как всегда, безостановочно лаял Сэм – любимая собака Стигера. Этот пес, явно не аристократического происхождения, был подобран Стигером, по его собственному выражению, на какой-то помойке во Фробишер-Бей. Он побывал вместе с Уиллом на Северном полюсе в 1986 году и с тех пор неизменно с ним путешествует.

Лиха беда – начало! Как только последовала команда от наших стюардов грузить сначала мешки с одеждой и сумки с личными вещами, все сразу же пришло в движение. Люди, которые до этого гуляли сами по себе, внезапно выстроились цепочкой, по которой, прыгая как живые, перемещались, исчезая затем в чреве самолета, ящики, мешки и т. д. Я осуществлял связь между стюардами и грузчиками, используя для этого накопленные в Гренландии знания промежуточного между русским и английским языка. В основном делал я это так: хватал какой-нибудь предмет из горы или горки предметов данного наименования и бежал с ним (или полз – в зависимости от его веса) к самолету, всем своим видом показывая – делай, как я! Грузовая площадка перед самолетом быстро пустела, дошла очередь до клеток. Их было установлено сорок две – ровно по числу ожидающих объявления посадки собак.

Сверху клеток загрузили нарты, а также часть мешков, с тем чтобы в полете можно было устроить там некое подобие спальных мест. Наиболее привилегированные пассажиры, в число которых в последний момент были включены и участники экспедиции, занимали комфортабельные места в носовой части самолета, где был установлен специальный пассажирский модуль, остальным же предназначались «откидные» места в проходе – как раз напротив клеток с собаками. В хвостовой части самолета мы разместили огнеопасный груз: полиэтиленовые канистры с бензином для наших примусов. Оставалось погрузить только собак, что мы и собирались сделать в самый последний момент перед вылетом, чтобы не томить животных в тесных и душных клетках.

Сцена прощания оказалась на редкость трогательной: более сотни людей пришло пожелать нам счастливого пути, многие были с детьми. Улыбки, объятия и... слезы. Здесь же присутствовало всевидящее телевидение и всеслышащее радио. Всеобщее внимание привлекали две фигуры в белых бурнусах, более уместные на фоне песчаных дюн и верблюдов, чем здесь, рядом с самолетом, нартами, лыжами и собаками. Эти два человека оказались здесь не случайно: им предстояло выполнять научные исследования на борту яхты экспедиции во время плавания вокруг Антарктиды. Так мы познакомимся с доктором океанологии Мустафой Моаммаром и профессором экологии Ибрагимом Аламом из Саудовской Аравии. В своих национальных одеяниях они выглядели только что сошедшими со страниц «Тысячи и одной ночи».

Тем временем была объявлена посадка для собак, и сразу же нашлось множество добровольных помощников сопровождать собак в самолет, но делать это надо было умеючи. Первая же попытка какой-то девушки вести собаку, не поднимая ее за ошейник на задние лапы, закончилась тем, что уже не она, а собака повела ее, причем совсем в другом направлении. У наших, да и вообще у всех ездовых собак так развивается «тянущий» инстинкт, что, как только они чувствуют опору под всеми четырьмя лапами или если что-то препятствует их свободе (будь то

нарты, как обычно, или рука проводника), они начинают тянуть изо всех своих собачьих сил. Поэтому, когда ведешь собаку за ошейник, необходимо приподнимать ее так, чтобы она шла, касаясь земли только задними лапами. Постепенно процесс наладился, и дело пошло без сбоев. Я, Джеф и Кейзо принимали собак в самолете и препровождали их в клетки, а те моментально устраивались поудобнее, словно зная, какой длинный и нелегкий путь им предстоит. Погрузка начиналась с верхних клеток с тем, чтобы исключить возможные конфликты между собаками. Дело в том, что если начинать естественно напрашивающееся расселение с клеток нижнего и среднего ярусов, то уже устроенные и поэтому обретшие уверенность зубастые жильцы не упустят возможности цапнуть за лапу (или любую другую ближайшую часть тела) проносимого мимо них на руках и оттого довольно беспомощного соседа. Посадка продолжалась более часа, и, естественно, в конце ее все мы, вспотевшие, облепленные собачьей шерстью, с большим удовольствием выбрались подышать свежим воздухом и немного привести себя в порядок.

Солнце, багровея, остывало и валилось к горизонту, легкий ветерок остужал наши разгоряченные лица. Приближался старт Трансантарктической экспедиции. Последние прощальные слова, фотографии на память, и вот мы в самолете. Кроме экипажа и собственно участников экспедиции, включая сорок двух собак, на борту находились советские и иностранные журналисты, группа французских кинооператоров, знакомая нам еще по Гренландии, и телевизионная группа из Эй-Би-Си. Собаки, высунув языки, часто дышали, роняя слюну на выставленные в проход лапы. Самолет разбежался, легко оторвался от земли и взял курс на Майами, оставляя внизу три долгих года подготовки, сомнений, разочарований, надежд, две тысячи трудных километров через Гренландию, три года нашей жизни, полностью посвященных предстоящему путешествию. Что ждет нас впереди?!

По нашей просьбе бортмеханик настроил кондиционеры на температуру 5—10 градусов, и уже буквально через час мы почувствовали результаты: собаки спрятали языки, а сидевшие в хвостовом отсеке пассажиры натянули куртки. Через четыре часа самолет приземлился в Майами. Здесь оказалось еще более жарко, чем в Миннеаполисе, но, несмотря на глубокую ночь, собралось довольно много желающих посмотреть на самолет, который везет людей, добровольно – по крайней мере внешне – согласившихся променять июль во Флориде на июль в Антарктиде. Я подошел к группе наших механиков, оживленно обсуждающих что-то у стойки правого шасси, и увидел то, что привлекло их внимание: на обшивке была заметна вмятина, вокруг которой в свете фонаря виднелись отчетливые царапины. «Стреляли», – с интонацией Саида из «Белого солнца пустыни» сказал кто-то. Однако скоро выяснилось, что загадочные следы на обшивке были оставлены металлическим тросиком от заземления, который позабыли убрать перед взлетом в Миннеаполисе. Стоянка в Майами была недолгой, и около пяти часов утра мы приземлились в Гаване.

Сейчас, оглядываясь назад, я мысленно говорю: «Если бы не эта остановка в Гаване...», но тогда все, казалось, шло по плану. Первым делом после остановки самолета мы вывели собак, чтобы напоить их. Местные власти разрешили нам сделать это с условием, что после прогулки собаки будут водворены на прежнее место в самолет. Бортинженер, остававшийся дежурить на самолете, обещал поддерживать температуру внутри салона не выше 15 градусов, для чего необходимо было периодически гонять вспомогательный двигатель.

Уже совсем рассвело, когда мы, освежившись под единственным обнаруженным краном с чахлой стружкой воды и оставив собак в самолете, поехали к аэровокзалу. День постепенно набирал силу и обещал быть очень жарким. Аэропорт напомнил мне таковой где-нибудь у нас в Закавказье или в Средней Азии: та же духота, те же очереди, множество людей, которым негде приткнуться, отсутствие такси и т. д.

Около одиннадцати часов мы все встретились в просторном холле отеля «Гавана либре». Меня разместили вместе с Джефом, и в тот момент, когда мы, заполнив необходимые бумаги, тщетно пытались привлечь внимание симпатичной администраторши, оживленно с чисто

испанской экспрессивностью беседовавшей с кем-то по телефону, меня тронул за плечо какой-то парень и произнес: «В самолете сломался кондиционер!!» Не помню, перевел я Джефу его слова или нет, но, наверное, по моему лицу Джеф понял, что что-то стряслось, и поэтому, ничего не спрашивая, побежал за мной к выходу. Парень, принесший эту страшную весть, оказался сотрудником советского посольства. Мы сели в его «Жигули» и помчались в аэропорт. По дороге мое воображение рисовало самые мрачные картины: я представлял себе, как наши собаки задыхаются от жары в своих тесных клетках в раскаленном, самолете. В то июльское утро Гавана менее всего напоминала «рай, страну, страну что надо». Дорога, по которой мы ехали, была вся перерыта, экскаватор, высоко задирая к небу ковши со знакомым прикусом, с размаху опускал их в грязно-бурую жижу, разбрызгивая жирные комки грязи. Узенькая, оставшаяся пока нетронутой полоска асфальта постепенно сдавала свои позиции. Нам пришлось подождать своей очереди, перепуская встречный транспорт. Кубинские КамАЗы и «Икарусы», отличающиеся от наших более густыми облаками выхлопных газов, шли навстречу сплошным потоком. Наконец мы втиснулись в небольшое оконце и вырвались из этой ловушки. В представительстве Аэрофлота, разместившемся в неказистом двухэтажном здании, сидел полноватый мужчина, охлаждаемый с двух сторон бесшумными вентиляторами, установленными на письменном столе прямо перед ним. Я начал прямо с порога: «У нас там самолет с собаками. Они могут погибнуть от жары. Необходимо срочно подогнать к самолету какой-нибудь рефрижератор или что-нибудь, способное давать холодный воздух!» Он поднял на меня глаза: «Мы знаем, но ничем помочь не можем». На мой вопрос, кто же может помочь, он неопределенно хмыкнул, и уже в дверях я услышал: «Кажется, ваш механик уже все починил». Прямо на «Жигулях» мы помчались к самолету. Совершенно взмокший бортмеханик встретил меня у трапа. «Буквально сразу же после вашего ухода, – сказал он, – заглох вспомогательный двигатель. Сейчас мне удалось его снова запустить, но более двух часов кондиционер не работал. Я открыл задние створки салона, чтобы хоть немного улучшить циркуляцию воздуха. Но, – тут он вздохнул и красноречиво махнул рукой в сторону двери, – смотри сам!»

Трудно даже вообразить себе картину, представшую передо мной в самолете. Сорок две полярные ездовые собаки, для которых в течение всей их предшествующей жизни единственным местом с положительной температурой была утроба матери, оказались сейчас в раскаленном снаружи и подогреваемом их дыханием изнутри чреве самолета. Я обошел клетки. На собак было жалко смотреть: вываленные до предела языки, с которых буквально струями стекала слюна, частое и шумное дыхание и глаза, глаза, в которых можно было прочесть: «За что?!» Некоторые из них еще нашли в себе силы оживиться при моем приближении, надеясь, что я их выпущу. Они начали повизгивать и царапать лапами решетку клетки, но большинство собак уже никак не реагировали на мое приближение, и это было самое страшное. Необходимы были срочные меры. Я выбрался из самолета и увидел Джефа в окружении трех кубинцев – двух мужчин и молодой женщины, – что-то оживленно говоривших ему, показывая на стоящий поодаль грузовик, внешне очень напоминающий наш «ЗИС». Я подошел к ним, и Джеф представил мне своих собеседников. Женщину звали Дорис, имен же мужчин я не запомнил. Это были сотрудники Гаванского зоопарка. Как сообщил мне Джеф, кубинцы предлагали забрать собак в зоопарк, но Джеф колебался (до этого мы обсуждали такую возможность и отнеслись к ней отрицательно, опасаясь инфекции). Словно прочитав наши мысли, Дорис сказала, что в зоопарке они нашли место, куда можно поместить собак, изолировав их от других животных. Надо было решать. Договорились так: Джеф на грузовике вместе с работниками зоопарка поедет туда и все решит на месте. Если все будет нормально, он пришлет машину назад и я погрузу собак.

Машина ушла. Потянулись минуты ожидания. Кондиционер работал на полную мощность, но температура падала крайне медленно. Поскуливание собак перешло в громкий вой. Я обносил их миской с водой, дул в их измученные влажные морды. Большой белый эскимос-

ский пес, которого Уилл приобрел перед экспедицией, чувствовал себя особенно плохо: он буквально грыз решетку клетки, да с таким остервенением, что я опасался, как бы он не сломал зубы. Меня бесило чувство собственного бессилия. Я мысленно клял и это солнце, и эту страну, в которой в нужный момент не оказалось ни одного кондиционера, и этот чертов двигатель, по милости которого мы оказались здесь, и грузовик, который все не появлялся. Не знаю, возымели ли действие мои проклятия или же просто подошло время, но тут появился грузовик, и я узнал через водителя и приехавшего с ним молодого паренька (кажется, его звали Роберт), что надо срочно отправлять собак в зоопарк. Подогнав машину вплотную к самолету, мы стали грузить собак прямо в открытый кузов. Роберт, принимавший их, сначала побаивался, но затем освоился, и мы довольно быстро погрузили двадцать одну собаку, поскольку больше не поместилось. Я наскоро натянул между бортами грузовика веревку и привязал несколько собак, остальные же были предоставлены сами себе, и поэтому надо было внимательно следить за ними, чтобы они не передрались между собой в поисках места. Мы с Робертом расположились в разных углах кузова, и я показал ему, каких собак следует постоянно держать в поле зрения (это были известные драчуны, братья Хэнк и Чучи), а сам крепко ухватил за ошейники двух других не менее известных забияк – братьев Монти и Хоби. Машина тронулась. Свежий ветер и принесенные им запахи привели наших пассажиров в сильное возбуждение, при этом каждый пытался пробраться к борту, используя весь нехитрый арсенал собачьей дипломатии. Одновременно в разных местах кузова вспыхнуло несколько конфликтов, но мы с Робертом были начеку. Лохматые собачьи морды, свесившиеся за борт и раскачивающиеся в такт движению машины, приводили в неописуемый восторг местных мальчишек и вызывали благоговейный ужас у взрослой части населения. Попетляв по узеньким улочкам в окраинной части города, машина довольно быстро выбралась за его пределы. Здесь Куба предстала такой, какой я ее представлял: зелень, Чистое, не задымленное голубое небо и жара, жара...

Мы и не заметили, как въехали на территорию зоопарка, и обнаружили это, только проехав мимо просторного вольера, в котором паслись зебры. Этот новый зоопарк, расположенный в лесопарковой зоне недалеко от Гаваны, представляет собой систему огромных естественных вольеров, огороженных металлической сеткой, практически скрытой густой тропической растительностью, что создает у посетителей впечатление полного отсутствия каких-либо преград между ними и животными. Мы подъехали к длинному одноэтажному зданию, около которого нас встречали Джеф и Дорис. Прямо напротив этого здания через дорогу была небольшая пальмовая роща, где и предполагалось разместить наших собак. Мы с Джефом натянули между стволами деревьев три длинных металлических поводка, на которых были сделаны отводы с кольцами для привязывания собак, а затем начали выгрузку. Я подавал собак из кузова, а Джеф, Роберт и Дорис принимали их на земле и отводили на место. Собаки рвали с поводков, и мне с высоты кузова было видно, каких трудов стоит ребятам их вести. Оставив с собаками Джефа, мы с Робертом поехали в аэропорт. Буквально перед самым аэродромом нас застиг сильнейший тропический ливень: небо потемнело и набухло, холодный ветер ломал струи дождя и сбивал пенку с поверхности сразу же образовавшихся луж. Мы мгновенно промокли до нитки. Когда я забрался в самолет, первое, на что я обратил внимание, была тишина. Рампа была открыта, по обшивке барабанил дождь, в салоне стало заметно прохладнее, и я подумал, что это успокаивающе подействовало на собак. Я обогнул ряды пустых клеток с правого борта, повернул на левый и увидел (эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами) в средней клетке второго ряда оскаленную собачью пасть и как бы перечеркнувшую ее, стиснутую зубами красную металлическую полосу решетки. Еще надеясь на что-то, я подошел ближе и понял: собака мертва... Это был тот самый эскимосский пес, который громче всех выл и грыз клетку всего какой-то час назад. Происшедшее никак не укладывалось у меня в голове, а мысль о том, что я мог и должен был предотвратить эту смерть, если бы начал эвакуацию собак с клеток левого борта, настойчиво преследовала меня. Однако я никак не мог предположить,

что задержка всего лишь на час может так трагически изменить ситуацию. Смерть наступила буквально перед моим приездом, так что я смог, хотя и не без труда, разжать собаке челюсти. Я позвал Роберта. Мы вдвоем вытащили собаку и уложили ее в большой двойной бумажный мешок. Лил дождь, настроение было паршивое. Я внимательно осмотрел других собак: все, казалось, было нормально, но выводить их под дождь было опасно, так как они могли простудиться, промокнув после такой жары. К счастью, ливень продолжался недолго, и уже через час мы выгружали собак на мокрую траву зоопарка. Сдержанный в проявлении эмоций, Джеф внешне спокойно воспринял весть о потере собаки, возможно, потому что этот пес не был ему хорошо знаком, но я, зная, какая чувствительная душа скрывается под внешне бесстрастной оболочкой, прекрасно представлял, что с ним творится. Он сказал только, что останется ночевать здесь с собаками.

«В домике напротив есть раскладушка», – отвечая на мой вопрос «где?», добавил он и, развернувшись, пошел к собакам. Я последовал за ним. Дождь примял траву, обнажив кое-где красную глину, которая противно липла к ногам. Большинство собак лежало на мокрой траве, и только две небольшие молодые эскимосские собаки одинаковой рыже-коричневой масти крутились на поводках, отчего земля у них под лапами напоминала по цвету и консистенции сгущенное какао, и это в какой-то степени объясняло подозрительно одинаковый цвет их масти. Убедившись, что с собаками все в порядке, я поехал в отель, пообещав Джефу прислать ему замену. Вид у меня был еще тот: испачканные глиной кроссовки, мокрые, покрытые клочьями собачьей шерсти шорты и грязная, вся в отпечатках собачьих лап, майка. Добавьте к этому еще расстроенную физиономию, и вы поймете, почему Уилл, которого я первым встретил в холле, спросил меня: «Что стряслось?» Путая английские и русские слова, я стал рассказывать Уиллу обо всем, что произошло. Уилл выглядел очень подавленным. Его особенно беспокоило то, что при моем рассказе присутствовала журналистка Жаки Банашински, которая, работая в центральной газете Сент-Пола, вот уже второй год писала для нее очерки о подготовке нашей экспедиции и сейчас, стоя рядом с нами, что-то быстро строчила в своем блокноте. Уилл отозвал меня в сторону и сказал, что он очень опасается реакции общественности своего родного города на известие о гибели собаки еще до начала экспедиции и попросил меня впредь быть немного осмотрительнее (то есть прежде, чем начинать рассказывать, внимательно осмотреться по сторонам: нет ли рядом журналистов). Жаки, конечно же, напала на меня с расспросами, я же отвечал достаточно односложно и поспешил ретироваться, сославшись на необходимость подыскать кого-нибудь, чтобы послать на смену Джефу. Вызвался поехать Кейзо. Мы купили с ним несколько сэндвичей и пару бутылок кока-колы для Джефа, взяли такси и поехали в зоопарк.

Уилл поехал с нами. Уже совсем стемнело, небо было по-прежнему закрыто тучами, что еще более сгущало темноту. Поплутав немного по ночному зоопарку, мы все-таки выбрались к собакам. Было тихо, но стоило нам выйти из машины, как Сэм, очевидно, заметив Уилла, вскочил и начал лаять, и, как водится, большинство собак последовало его примеру. На шум из домика вышел Джеф, прятаящийся там от комаров. Джеф сказал, что напоил собак и дал им корма. Осторожно, чтобы не растянуться на скользкой глине, подсвечивая себе фонариком, мы втроем обошли собак. В свете фонаря глаза их вспыхивали янтарными и изумрудными огоньками. Джеф сказал, что не поедет в отель и останется дежурить до утра. Кейзо остался с ним. Мы же с Уиллом вернулись в отель. Наутро уже все знали, что погибла собака, и основным был вопрос о скорейшем вылете с Кубы, поскольку все мы прекрасно понимали, что зоопарк со всем его свежим воздухом вовсе не идеальное место для наших собак перед таким серьезным испытанием. Однако наши кубинские друзья не торопились помогать нам с двигателем. Потерявший с потом не один килограмм технический руководитель перелета Николай Таликов, пропадавший все время на аэродроме, объяснил при встрече, что второй день не может добиться от аэродромных властей одной простой вещи: доставить рабочий двигатель под крыло

самолета. Все остальные операции по его установке и монтажу наши механики брали на себя. Но, увы, мы пожинали плоды насаженного и взлелеянного не без нашей помощи, но особенно пышно расцветшего под ласковым кубинским солнцем махрового соцреализма, когда никому (или во всяком случае большинству) ни до чего нет дела. Шел второй день нашего вынужденного пребывания на Кубе, кубинцы готовились к очередному карнавалу, и по ночам вдоль знаменитой набережной под звуки барабанов шествовали многочисленные красочные процессии. Таксисты возили только за доллары, и мы просто не знали, как использовать выданные нам накануне кубинские песо. С утра некоторые журналисты и фотокорреспонденты решили отправиться в зоопарк, чтобы снимать собак. Поехала и наша творческая бригада из программы «Время». Все участники экспедиции, кроме Кейзо, находились в отеле в ожидании известий от Таликова, рано утром уехавшего на аэродром. Но первые известия мы получили из зоопарка. Вернулись наши журналисты и, перебивая друг друга, стали рассказывать, как буквально у них на глазах скончалась еще одна собака. Я пытался выяснить у них какая, но, кроме неопределенного «большая, черная...», ничего понять не смог. Они рассказали, что во время съемок, когда они с камерой очень близко подошли к собакам, те пришли в возбуждение, а одна из них – та самая большая и черная – буквально срывалась с поводка. И вот во время одного из прыжков, она, приземлившись, вдруг стала валиться набок... Работники зоопарка сделали ей укол, но все было тщетно: она скончалась, очевидно, от разрыва сердца. Немного позже я узнал от вконец расстроенного Кейзо, что это был Годзилла. Тот самый добродушный гигант с разноцветными глазами, с которым мы прошли всю Гренландию и на которого возлагали большие надежды в предстоящей экспедиции. Вторая потеря за два дня! Ситуация была критической, и мы, увы, не могли ее контролировать. Писатель Юлиан Семенов, который был в составе творческой бригады, сопровождавшей нас до Антарктиды, столь же популярный на Кубе, как и у нас, и очень похожий в своем защитного цвета костюме на бородатых кубинских «барбудос», пробился на прием к кому-то из окружения Фиделя и договорился о выделении для собак рефрижератора на одном из судов, стоящих в порту. Было решено перевезти собак вечером, если положение с двигателем не изменится. Я решил действовать в этой ситуации многократно проверенным и оправдавшим себя способом, чувствуя, что пришла пора выпустить в обращение самую твердую из всех конвертируемых валют, с помощью которой можно было преодолеть любые барьеры как у нас в стране, так и – в этом я был абсолютно уверен – здесь, на Кубе. Валютой этой была водка, небольшое количество которой мы везли с собой. Однако выгодный обмен – ящик водки против авиационного двигателя – не состоялся. Когда мы приехали на такси на аэродром для совершения сделки, то увидели, что двигатель, пока еще весьма отдаленно напоминавший своих здоровых собратьев, уже висел под крылом на своем месте, а вокруг него и под ним суетилось человек десять – вся наша бригада механиков. Таликов был здесь же. Видно было, что он здорово устал, но, когда мы подошли, он все-таки нашел в себе силы весьма определенно высказаться в адрес кубинской аэродромной службы. Указав на двигатель, он добавил: «Почти новый – целых 150 часов моторесурса осталось, как от сердца оторвали... друзья!» Последнее слово он сказал с сильным ударением на букву «р» и, предупреждая наши вопросы, добавил: «В полночь самолет будет готов». По его рекомендации было решено вылетать в самое прохладное время суток – около пяти часов утра; это было наиболее подходящее время и с точки зрения температурного «комфорта» для собак.

В три часа ночи к отелю подъехали автобус и легковая машина из посольства, на ней мы с Джефом отправились в зоопарк, а все остальные поехали на автобусе прямо к самолету. Помню эту сумасшедшую езду по ночным, пустынным, мокрым от дождя улочкам Гаваны. Стоя в открытом кузове знакомого грузовичка, я ловил ртом упругий влажный ветер, чувствуя трущиеся о мои ноги мокрые собачьи бока, и был счастлив от сознания того, что мы все-таки, пусть с потерями, но выбираемся из этого райского уголка, что за экватором нас ждет зима и что мы приближаемся к старту нашей экспедиции.

Над горизонтом уже прорезалась тонкая малиновая полоска рассвета, когда мы, быстро погрузив собак и простившись с Дорис и Робертом, забрались в самолет. Через час после взлета температура в салоне понизилась до комнатной для собак, и те – возможно, в первый раз за двое суток – спокойно заснули; то же можно было сказать и о пассажирах.

Дальнейший полет до Буэнос-Айреса проходил без особых приключений. Мы сели на часок для подзаправки в Лиме. Температура там была 15 градусов, так что наши лохматые пассажиры чувствовали себя прекрасно. В Буэнос-Айресе была запланирована стоянка двое суток для отдыха экипажа. После приземления я сделал весьма любопытное открытие: не обнаружил в своем паспорте аргентинской визы, – поэтому когда встал вопрос, кому остаться в аэропорту подежурить с собаками, моя кандидатура прошла на безальтернативной основе. Из солидарности со мной решил остаться Кейзо. Надо сказать, что аргентинские власти оказались куда более лояльными по отношению к собакам, чем кубинские. Нам разрешили привязать собак вдоль проволочной ограды, огораживающей какие-то складские помещения. Температура была около 5 градусов, собакам дышалось легко, нам же пришлось достать куртки. Собаки были привязаны метрах в трехстах от стоянки самолета, поэтому мы с Кейзо решили устроиться на ночлег под открытым небом в спальнях мешках в непосредственной близости от собак. Это была первая из последующих двухсот двадцати ночей ночь в спальнях мешках под небом южного полушария. Воздух был чист, облаков не было, и поэтому нам из своих спальнях мешков было хорошо видно все богатство южного звездного неба. Я показал Кейзо мерцающий в южной части небосклона ромбик Южного Креста, который мой японский друг видел впервые. Ночью я проснулся от шумного дыхания прямо над ухом. Я высунул голову из мешка и буквально нос к носу столкнулся с Чубаки, который внимательно изучал меня своими близко посаженными голубыми глазами. Естественно, он тут же попытался лизнуть меня в лицо, и, надо сказать, ему это вполне удалось, правда, только один раз. Далее он был схвачен за ошейник и водворен на место к великому удовлетворению остальных собак, с интересом следивших за развитием событий. Ночью температура опустилась ниже нуля, небольшие лужицы покрылись льдом, но нам в наших спальнях было тепло и уютно. Утром вылезать не хотелось – было холодно, но мы быстро согрелись, потаскав ведра с водой для собак. После обеда к самолету подъехал огромный «шевроле», из него вышел симпатичный молодой человек, назвавшийся представителем Аэрофлота в Буэнос-Айресе. Он сказал, что имеет предписание забрать нас с Кейзо на прием, который устраивает для участников экспедиции советское посольство в Аргентине. Отсутствие у меня визы его, по-видимому, не смущало, так как, по его словам, он знал место, где можно было пройти без всяких формальностей. Мы ехали с ним по центральной широченной и длинной улице Девятого Июля, и я вспоминал свою первую встречу с Буэнос-Айресом в декабре 1985 года. Прошло четыре года, а мне казалось, что это было вчера, и солнце, нанизанное, как апельсин, на высоченную каменную стелу – символ дня независимости, – и незаметно притулившийся к фасаду одного из особняков позеленевший от времени Дон Кихот на унылом Россинанте, и верный Санчо рядом с ним, и зеленая трава многочисленных парков, на которой мы, нежась на солнышке, воздавали должное прекрасному белому вину «Термидор», продававшемуся повсюду практически за бесценок (даже для нас).

В посольстве нас принял советник (посол был в отпуске), причем бутерброды с икрой и осетриной и прекрасное вино заметно оживляли беседу, в ходе которой нам сообщили, что достигнута договоренность с чилийскими властями о посадке самолета в Пунта-Аренасе – самом близком к Антарктиде городе с аэропортом. Это известие очень нас порадовало, так как именно Пунта-Аренас являлся местом, откуда мы предполагали снабжать экспедицию на маршруте, здесь же располагалась штаб-квартира частной чилийско-канадской авиакомпании «Адвенчер нетворк», самолеты которой осуществляли в январе этого года заброску лагерей с продовольствием на участок маршрута между Кинг-Джорджем и Южным полюсом. Поэтому все снаряжение и продовольствие, которое мы везли с собой, мы могли оставить в Пунта-Аре-

насе для последующей доставки на маршрут. До последнего времени у нас не было уверенности, что чилийские власти разрешат посадку советскому самолету на территории Чили: ведь с 1973 года, после сентябрьского переворота и разрыва дипломатических отношений между СССР и Чили, то есть на протяжении вот уже шестнадцати лет, ни один советский самолет не прилетал в Чили. И вот мы еще раз смогли убедиться, насколько действенными могут быть народная дипломатия и естественное стремление людей разных стран жить в дружбе и добрососедстве: самолет с эмблемой Международной трансантарктической экспедиции приземлился в аэропорту Пунта-Аренас 22 июля 1989 года.

В окружении небольших ярко-красных «Твин оттеров» наш Ил-76 выглядел особенно солидно. Тут же у трапа мы дали интервью для чилийского телевидения. Перепроводив собак в специально отведенный для них ангар, мы занялись сортировкой грузов. На мокром бетоне взлетной полосы возникли уже знакомые белоснежные горы с надписями: «Старт», «Элсуэрт», «Южный Полос». Интересно, что процедура паспортного контроля в недружественной нам стране Чили заняла гораздо меньше времени, чем аналогичная в братской Кубе. Вечером того же дня в яхт-клубе, расположившемся в старинном особняке на центральной площади города, в честь экспедиции «Трансантарктика» был устроен ужин, на котором присутствовали представители муниципалитета во главе с мэром города. Было сказано много теплых слов в адрес участников, гостей и хозяев, и даже, кажется, был тост за установление дипломатических отношений между СССР и Чили.

Наступил самый ответственный участок перелета: Пунта-Аренас – остров Кинг-Джордж. По несколько раз в день мы связывались по радио с начальником станции Беллинсгаузен Юрой Гудошниковым, запрашивали погоду и состояние полосы. После его сообщения о том, что полоса покрыта плотным слоем снега сантиметра три толщиной и что этот слой снега покрыт большей части коркой льда, у командира экипажа появились сомнения о возможности затормозить машину на столь короткой полосе при такой поверхности. Никто не мог приказать ему лететь, поскольку все прекрасно понимали, что вся ответственность за жизнь пассажиров и машину лежит именно на нем. Мы ждали. Тем временем Юра сообщал, что погода сносная, видимость 5 километров, нижняя кромка облачности около 300 метров. Надо было учесть еще одно важное обстоятельство, повлиявшее на принятие решения о посадке. Полоса на Кинг-Джордже обрывалась довольно крутыми уступами к океану, то есть если самолет не сумеет затормозить, то... Я присутствовал на одном из последних переговоров командира самолета с Юрием. Услышав еще раз, что погода вполне пригодна для посадки, командир, подумав немного, спросил, есть ли граница между краем полотна полосы и прилегающей поверхностью и, если есть, то какова ее высота. Юра отвечал, что граница практически не заметна. Командир задумался, и, кажется, в тот момент ему пришла в голову идея использовать этот порожек. Так или иначе, но после этого разговора он решил: летим! Вылет был назначен на 11 часов утра 24 июля. Надо сказать, что перед посадкой самолета в Пунта-Аренасе мы устроили на борту тотализатор: надо было назвать точную дату и время нашего приземления на Кинг-Джордже. Я загадал 14 часов 24 июля, и вот сейчас был близок к выигрышу крупной суммы (около 50 долларов), так как угадал по крайней мере число. Командир решил сделать до посадки три захода: первый, чтобы осмотреть полосу визуально, второй, чтобы коснуться ее колесами для определения коэффициента сцепления, и только третий заход должен был стать посадкой.

Лету от Пунта-Аренаса до Кинг-Джорджа было около двух часов. Напряжение внутри салона достигло кульминации, когда мы почувствовали, что самолет начал снижаться. Следя за стрелкой высотомера, я сообщал сидевшему напротив Уиллу, записывавшему на диктофон свои впечатления, высоту: «Пятьдесят метров, сорок, тридцать, двадцать». «На какой же высоте, – успел подумать я, – командир решил выполнить первый заход?» Тут стрелка высотомера скакнула за отметку 10 метров, и сразу же за этим мы все почувствовали сильный удар, ремни не дали нам выскочить из кресел, лица всех сидящих напротив меня, да и мое

наверняка тоже выражали крайнюю степень ожидания: «Что же дальше?» Иллюминаторов в салоне этого самолета не было, поэтому мы не могли видеть, что происходит снаружи, и это, без сомнения, усиливало ощущение какой-то ждущей впереди невидимой опасности. Казалось, что самолет наш неудержимо катится в пропасть... Тут еще сразу же после удара обе двери внезапно распахнулись и в салон вместе с запахом керосина, горелой резины ворвался грохот и рев всех четырех включенных на реверс двигателей. Чувствовалось, что самолет замедляет бег. Но успеет ли он остановиться до конца полосы?! Внезапно все кончилось, самолет встал, и мы поняли, что прилетели. Что тут началось! Аплодисменты и крики «ура»! Мы жали друг другу руки и поздравляли друг друга. Стрелки часов показывали 13 часов 10 минут. Победительницей тотализатора стала Дженнифер Кимбалл – сотрудница офиса «Трансантарктика» в США: ее время было 13.30. Однако о тотализаторе сразу же забыли – мы все чувствовали себя победителями. Крики «ура» многократно усилились, когда из пилотской кабины в салон спустился командир. Он, очевидно, не ожидал такой оживленной реакции и поэтому явно смутился, но каждый из нас считал своим приятным долгом пожать ему руку.

В раскрытую дверь самолета мы увидели целую толпу народа – это были сотрудники научных станций, расположенных на Кинг-Джордже. Здесь на этом небольшом островке живут и работают ученые и специалисты из СССР, Чили, КНР, Аргентины, Польши, Германии и Южной Кореи. Основательнее всех чувствуют себя здесь чилийцы. За время, прошедшее между моим первым посещением Кинг-Джорджа в 1973 году и днем сегодняшним, чилийская станция, размещавшаяся прежде в небольшом одноэтажном доме, превратилась, по сути, в небольшой городок с жилыми семейными коттеджами, гостиницей, школой и аэропортом. Чилийские полярники живут здесь вместе с семьями. Вот и сейчас среди встречающих нас было много женщин и детей, что как-то смягчало суровый снежный зимний пейзаж Антарктиды. Выделялась – увы, не в лучшую сторону – и группа наших полярников: я имею в виду, конечно, унылую цветовую гамму одежды. Не успел я спуститься с трапа, как сразу же попал в объятия друзей, со многими из которых встречался прежде в экспедициях.

Естественно, наибольший восторг у встречающих вызвали собаки. Особенно радовались «антарктические» дети, которым, несмотря на необычность их жизни здесь, в Антарктиде, присущи неукротимое детское любопытство, восторженность и радость познания окружающего их мира. Надо сказать, что наши собаки радовались не меньше. Еще бы! Они увидели снег! Чистый, белый, холодный, вкусный, мягкий снег. Они катались по нему, хватали его пастью, словом, находились на вершине блаженства. Мы вытащили клетки и, поставив их в ряд на снег, с большим трудом запихнули туда разыгравшихся собак – оставлять их на воле было слишком опасно – они могли и разбежаться. Когда мы закончили разгрузку, уже совсем стемнело, хотя часы показывали только четыре часа: в эту пору световой день на этой широте длится около семи часов.

Точка старта – нунатаки Сил – находилась в 180 морских милях от Кинг-Джорджа. Нас должны были доставить туда на самолете «Твин оттер», а пока до вылета мы занялись организацией базового лагеря на Кинг-Джордже. Руководство Китайской антарктической экспедиции любезно предоставило нам помещения станции Грэйт Уолл, находившейся километрах в пяти от аэродрома. Эта станция вполне заслужила и поддерживает репутацию воистину «великой» среди полярников, населяющих остров, потому что обладала поистине неистощимыми запасами пива. Как я уже говорил, Чин Дахо провел здесь более года в качестве начальника, и я думаю, что именно в результате своего пребывания здесь он сформулировал четкий ответ на традиционный вопрос корреспондентов: «Что Вас привлекает в Антарктике?» На это Дахо неизменно отвечал: «Пиво и гляциология!» Сейчас станцию возглавлял небольшого роста китаец с бледным и немного печальным лицом (как выяснилось позже, не принадлежавший к числу любителей пива, чем, по-видимому, и объяснялась его бледность). Интересно, что все называли его мистер Ли. Однако это никак не вязалось с его обликом, и меня

все время не покидало сомнение: мистер ли он или все-таки товарищ? Но тем не менее товарищ мистер Ли оказался на высоте поставленной перед ним задачи: приютить международную экспедицию «Трансантарктика». Гарцуя на снегоходе «Буран», он предложил всем, кто был готов, следовать за ним по дороге на станцию, отыскать которую в сгустившейся темноте было совсем не просто. Первыми оказались мы с Уиллом. Подцепив нарты к «Бурану», мы заняли позицию по обе стороны от нарт, ухватились за рукоятки и приготовились к старту. Сам мистер Ли был скрыт от нас покровом ночи – мы видели только кроваво-красный огонь задней фары «Бурана». Из каких-то своих неведомых нам соображений мистер Ли внезапно дал шпоры рычащему «Бурану», и тотчас же мы с Уиллом повисли на нартах, тщетно пытаясь подогнать ноги под стремительно увлекаемое в ночь туловище. Метров через сто на каком-то подъеме нам это удалось, и четыре борозды, оставляемые в глубоком снегу полозьями нарт и нашими ногами, сменились классическим двух-бороздным следом. Но ночная дорога готовила нам новые испытания: она просто изобиловала подъемами и спусками. На одном из них мы сумели на мгновение поравняться с нашим водителем и, стараясь перекричать шум двигателя снегохода, попросили его умерить темп. Но, очевидно, приняв нашу реплику за возгласы восхищения его водительским мастерством, мистер Ли бросил машину вперед, и нарты, не выдержав рывка, перевернулись. Плохо увязанные ящики рассыпались (кто мог предположить, что будут такие гонки!), и мы с Уиллом повалились в снег, пытаясь не выпустить нарты. Слава богу, мощности «Бурана» не хватило, чтобы волоочь по рыхлому снегу такой груз, и мистер Ли нехотя остановился. Совершенно взмокшие, залепленные снегом, мы поднялись и заново упаковывали нарты. Подошедший мистер Ли, кажется, был несколько смущен представшей перед ним картиной и попытался нам помочь.

Воспользовавшись паузой, мы постарались объяснить ему отличие нашего путешествия от гонок «Формулы один», на что он согласно кивнул, и дальнейший путь до станции мы проделали без особых приключений. Вскоре все экипажи собрались вместе. Нам показали комнатки, где мы будем жить до вылета на ледник. Они были расположены по обе стороны коридора за просторным помещением кают-компания. Немного позже наш вездеход ГАЗ-71 с размашисто написанным на капоте именем «Мурка» привез журналистов и все оставшееся оборудование. Оставив все вещи в комнатах, мы отправились на нашу станцию на торжественный прием по поводу успешного приземления в Антарктике. В кают-компания было тесно: мы стояли в три-четыре ряда, опоясав сдвинутые вместе столы, на которые в отчаянном порыве гостеприимства было выметано все из закровов. Юра произнес длинную незапоминающуюся речь, и все с облегчением подняли бокалы «За Дружбу».

Ночь прошла быстро. Проснулся я от ощущения того, что кто-то стягивает с меня одеяло. Открыл глаза и разглядел в полумраке свесившегося со своей койки Уилла, тянувшего на себя принадлежавшее мне с вечера одеяло. Очевидно, ему приснилось, что он спит где-то у себя в одном из своих живописных бунгало на ранчо на севере Миннесоты, где все вокруг родное и все вокруг свое. Не желая выводить его из этого блаженного состояния, я не стал сопротивляться и в результате остался без одеяла. Да, хорошо, что в палатке у нас будут спальные мешки и подобные ночные атаки вряд ли окажутся для Уилла столь победоносными.

Весь следующий день прошел в сборах и подготовке того снаряжения и продовольствия, которое нам будет необходимо прямо начиная со старта. В 10 часов утра улетал самолет, и мы все поехали его провожать. Покачивая крыльями, самолет разбежался и скрылся в снежной пелене. Оборвалась еще одна ниточка, связывавшая меня с прежней жизнью. Теперь все мысли были сосредоточены на одном: на предстоящем завтра старте.

Утро 26 июля принесло ветреную погоду с сильной поземкой, однако видимость была сносной, и поэтому мы решили лететь. Первыми в 8 утра стартовали Джеф и Дахо с десятью собаками. Им предстояло разбить лагерь и обозначить полосу для приема остальных. Нас возил один и тот же маленький лыжно-колесный «Твин оттер». Широкоплечий и рослый Генри,

пилот «Твин оттера», творил на этой машине чудеса: садился на такие площадки и при такой видимости, что мы понемногу начинали верить, что для него нет ничего невозможного. Это придало нам уверенности в том, что и на маршруте при возникновении каких-либо проблем Генри всегда придет нам на помощь. Самолет возвратился около 12 часов. Генри рассказал, что подыскал удачное место для первого лагеря: хорошая ровная площадка и, что очень приятно слышать, погода там намного лучше, чем здесь внизу – практически не дует и прекрасная видимость. Вторым бортом полетели Уилл и Жан-Луи вместе с киногруппой из Франции и двенадцатью собаками. По замыслу режиссера и оператора фильма Лорана Шевалье, первым историческим кадром начала экспедиции «Трансантарктика» должен был стать кадр исхода из самолета на снежный ковер организаторов и руководителей экспедиции. В полете, как рассказал потом Генри, неумолимый Лоран снимал айсберги в лучах заходящего солнца, ледниковый барьер, круто обрывающийся к океану. Из участников экспедиции на острове остались только мы с Кейзо и восемнадцать собак. Из них мы собирались взять только четырнадцать, остальные же должны были быть в резерве, и с ними оставался руководитель базового лагеря Джон Стетсон. По плану экспедиции базовый лагерь оставался на Кинг-Джордже до тех пор, пока мы не достигнем гор Элсуэрт, а затем он перемещался на холмы Патриот, где находится сезонный лагерь компании «Адвенчер нетворк». Уже в глубоких сумерках погрузили все оставшееся снаряжение на самолет при активной помощи Генри и его бортмеханика. Когда вместе с Генри мы катили бочку с керосином к самолету, он вдруг спросил: «Виктор, признайся, ваш самолет Ил-76 (он называл его Ильюшин) сделан из титана?» От неожиданности я даже остановился, и бочка начала поворачивать в мою сторону. «Почему ты так решил?» Генри тоже остановился и начал мне объяснять, что много раз наблюдал момент посадки, потом смотрел видеофильм о ней, отснятый чилийцами, и поэтому никак не мог представить себе, чтобы после такого удара в момент касания полосы машина не развалилась бы на куски. «Чилийские летчики говорят, – продолжал он, – что если бы такое приземление совершил их «Геркулес», то все его четыре мотора улетели бы вперед, а сам самолет рассыпался бы на части». Я ответил, что, насколько мне известно, это серийный самолет и, наверное, просто выполнен с традиционным русским запасом прочности. Генри был явно неудовлетворен ответом. Оставив его пребывать в полной уверенности, что у русских с титаном в стране все в порядке, я отправился грузить собак. Мне помогали наши ребята со станции Беллинсгаузен, пришедшие нас проводить. Валера Федоров, сняв рукавицы, пальцами пощупал тонкую ткань моей штормовки. «И это все? – спросил он и посмотрел на меня с явным сожалением: – Замерзнешь же, возьми мою „кашку”¹». Я попытался объяснить ему, что это не простая ткань, а с прослойкой «гортекса» – тоненькой пленочки, обладающей односторонней теплопроводностью и повышенной ветрозащищенностью. Валера, выслушав все это с серьезным видом, спросил: «А может, валеночки?» Обнялись на прощанье. Я сказал ему, что если будет холодно, то попрошу его по радио подослать мне валенки на маршрут. С нами летел фотограф-профессионал из «Нэшнл джиогрэфик» Рик Риджуэй. Они с Кейзо забрались вперед, поближе к пилотской кабине, я же остался вместе с собаками позади, рядом с дверями. В дверной иллюминатор я хорошо видел ребят, продолжавших стоять рядом с бочками, отвернувшись от ветра, гонимого раскручивающимися винтами самолета. Взлетели. Несмотря на кромешную тьму в кабине, я понемногу начал различать очертания собак. Главной моей задачей было отыскать Монти и принять меры к его максимальной изоляции. Монти сам обнаружил себя: я услышал его глухое ворчание – явный признак готовности незамедлительно начать массовые репрессии во имя собственного самоутверждения. Я немедленно это пресек, схватив Монти за ошейник, и притянул к себе его огромную мохнатую голову. Так и летели, чуть ли не обнявшись. Примерно через час полета небо очистилось, появились звезды, и в лунном свете можно было различить темные горы и мерцаю-

¹ Теплая куртка на верблюжьем меху, которая выдавалась полярникам советских антарктических экспедиций.

щую тусклым серебром поверхность ледника. Вскоре Генри повернулся и прокричал: «Снижаемся!» Через несколько минут я увидел в иллюминаторе огоньки, которыми была отмечена наша импровизированная посадочная полоса, лыжи самолета коснулись поверхности, и мы, подпрыгивая на застругах и замедляясь, покатались по снегу. Чувствовалось, что поверхность снега довольно плотная, о чем можно было судить и по неглубокому следу лыж, оставляемому нашим самолетом. Мы развернулись и подрулили прямо к палаткам. Джеф и Дахо принимали собак, которые с готовностью вываливались на снег прямо из раскрытой двери самолета. Лохматая баррикада, преграждавшая мне путь к дверям, рассыпалась прямо на глазах, и наконец я получил возможность выбраться из самолета. Меня на мгновение ослепил яркий свет портативного юпитера в руках Бернара – звукооператора французской киногруппы. Лоран, целясь мне в лицо огромным объективом своей кинокамеры, ловил крупный план, откуда-то слева из темноты вынырнули Уилл и Жан-Луи, своими укрепленными на головах фонариками похожие на шахтеров или спелеологов.

«Виктор, добро пожаловать в наш первый лагерь», – Этьенн сопроводил эту фразу широким жестом в сторону едва различимых в темноте стоящих полукругом палаток. Лоран неотступно следовал за нами. Юпитер выхватывал из темноты пять палаток: три купольные, одна из которых предназначалась для меня и Уилла, другая – для Кейзо и Жана-Луи, а еще одна – для киногруппы. Совсем крохотная шатровая палатка должна была стать домом для Джефа и Дахо. Позже, разглядев ее при дневном свете, я удивился, каким образом высоченный Дахо умудрился втиснуться в нее – да не один, а со спальным мешком и Джефом. Пирамидальная палатка была предназначена для Рика со всем кино- и фотооборудованием. Собаки были привязаны на своих доглайнах немного поодаль. Их уже рассортировали по упряжкам, поэтому мы отвели вновь прибывших собак на оставленные для них места. Генри спешил: погода на Кинг-Джордже портилась, ему надо было успеть вернуться. Договорились, что в случае хорошей погоды он привезет завтра утром журналистов и телевизионную группу из Эй-Би-Си, чтобы отснять старт экспедиции. Самолет улетел, а мы при свете керосиновых ламп, установленных на ящиках прямо напротив входа в каждую палатку, начали сортировать привезенные с собой вещи. Было на удивление тихо – ни ветерка. Мерцающие и поэтому кажущиеся махровыми звезды, дымок примусов и вспыхивающие время от времени в темноте за палатками собачьи глаза – все это вместе создавало романтическое настроение. Мысли о том, что впереди долгая трудная дорога, отступили перед ощущением какого-то душевного покоя. Я слышал, как Уилл, возясь в палатке со своими сумками, бормотал что-то себе под нос, поодаль Джеф читал вводную лекцию на тему «Основные правила организации походной жизни» профессору гляциологии Дахо, а Жан-Луи обсуждал меню ужина с искушенным в этих вопросах Кейзо. Эту идиллию слегка нарушал, придавая какую-то ненатуральность всему происходящему, Лоран со своей камерой. Рик возился в палатке с аппаратами, готовя их к завтрашней съемке. В порядке первой пробы себя на роль метеоролога я решил измерить температуру. Дахо, медленно, как улитка из раковины, вытащив свое длинное туловище из палатки, подошел ко мне понаблюдать за процессом измерения. Я достал небольшой термометр «пращ», взятый в числе прочих новинок отечественной измерительной техники в нашем институте, и начал бешено раскручивать его над головой. Когда я получал этот термометр в отделе метеорологии ААНИИ, Николай Николаевич Брызгин, старейший полярник и милейший человек, сказал мне: «Витя, это очень просто – покрути его над головой и через две минуты ты получишь температуру воздуха, – и добавил с благоговением: – Еще сам Нансен, когда шел через Гренландию, пользовался этим, точнее таким, – исправился он, заметив мой испуг, – термометром!» Не помню, то ли Николай Николаевич пропустил, то ли я сам прослушал, но в моей памяти как-то не отпечатался период измерительного процесса между раскручиванием термометра и собственно считыванием показаний. Поэтому, раскрутив на глазах у удивленного и заинтригованного этим дивом профессора свой маленький термометр, я беспечно опустил руку, пытаюсь приблизить его к глазам, но

термометр, описывая на излете сужающиеся круги, ударился о мою голову со звуком, не оставляющим ни малейшего сомнения в его судьбе. Оставшаяся в моих руках и продолжающая свое – теперь уже бессмысленное – вращение верхняя часть его могла служить только для индикации температур в интервале от нуля до плюс десяти градусов, абсолютно бесперспективном для наших условий, вторая же – наиболее содержательная – часть бесследно исчезла. Дахо, считая, по-видимому, процесс измерений законченным, осведомился о температуре, на что я ему рассеянно ответил, что сообщу завтра после обработки результатов. Профессор со вздохом сожаления удалился, а я тщательно захоронил в снег останки термометра, не желая сразу же, еще до старта экспедиции, нервировать своих товарищей, у которых в памяти наверняка были свежи воспоминания о пяти термометрах, безвинно загубленных мной в гренландской экспедиции. Забегая вперед, скажу, что первое, что обнаружил Этьенн, выбравшись из палатки рано утром, был кусок термометра, утерянный мной накануне. Сопоставив события вчерашней ночи со своей находкой и показав ее мне, он полуутвердительно, полувопросительно произнес: «Ну что, кажется, экспедиция началась, как ты считаешь?» Мне ничего не оставалось как согласиться.

Утро 27 июля. Нунатаки Сил впереди и слева от нас, темно-бурые, контрастирующие с бело-голубым ледником, тишина, солнце, мороз около 20 градусов (измерил спиртовым термометром), мы готовились к выходу. Накануне вечером, когда я вернулся в палатку после метеорологических наблюдений, Уилл уже приготовил ужин. Ужин запомнился, наверное, потому, что он был первым. Кажется, до сих пор помню его: это был отварной рис с консервированным лососем. Мы зажгли свечи (Уилл не переносил запаха керосиновой лампы, поэтому все два месяца нашей совместной жизни мы использовали свечи, в то время как все остальные жгли керосин), выпили чаю и, забравшись в спальные мешки, быстро заснули. Спать было очень тепло, и, несмотря на то, что мы проснулись рано, я чувствовал себя отдохнувшим.

Часов в девять утра наш лагерь пришел в движение, каждая двойка сворачивала свой минилагерь, упаковывала нарты и запрягала собак. Сложить палатку в такую безветренную погоду оказалось довольно просто, наш проверенный Гренландией экипаж действовал достаточно слаженно и быстро. Свернув лагерь, мы с Уиллом принялись «научно», по его выражению, упаковывать наши нарты. Задача заключалась в том, чтобы компактно уложить груз, сделав его как можно ниже, и с третьей попытки нам это удалось. Началось самое интересное – составление упряжки. Процесс это творческий. Порядок расстановки собак в упряжке определяется множеством факторов. Это прежде всего вес нарт и состояние поверхности снега, немаловажной является также психологическая совместимость собак.

Собаки! Лохматые наши друзья, вы еще не представляете, что вам предстоит, какие жестокие метели и встречные ветры будут на вашем пути, какие тяжелые снежные панцири покроют ваши спины, как вам придется освобождаться от них вместе с шерстью, выкусывая ее зубами, какие предательские трещины пересекут вашу дорогу – и только чудом ни одна из вас, провалившись в них, не погибнет, – сколько кровавых следов оставят ваши израненные лапы на этом 6000-километровом пути, сколько раз после очередной пурги мы будем выкапывать вас из-под снега руками, каждый раз опасаясь не застать вас в живых... Сколько раз! А пока вы, полные сил и энергии, всем своим видом показываете готовность бежать и бежать вперед.

Собаки Уилла, наиболее крупные из всех наших псов и, несмотря на то что все они были выращены и воспитаны на его ранчо, не отличавшиеся дисциплинированностью, были особенно возбуждены перед стартом. Они лаяли, натягивали постромки, и мне приходилось быть начеку и стоять рядом с ними, чтобы не дать им раньше времени сорваться с места. В конце концов пришлось решить эту проблему так: ввернули в лед позади нарт ледовый крюк и привязали к нему нарты. Упряжка Джефа была более организованной, его собаки были послушнее и им таких дополнительных мер не требовалось, собаки Кейзо расположились позади, и их поведение во многом зависело от поведения находящихся впереди наших собак.

Вскоре появился самолет, хорошо заметный на фоне чистого голубого неба. Самолет приземлился, и из него высыпала пестрая толпа, в которой я различил изумрудную куртку журналистки Жаки Банашински и ярко-голубую пуховку ведущего программы «Эй-Би-Си спорт» Боба Беати. С ним находились трое ассистентов с телевизионной камерой, установленной на треноге, которую они ввинтили в снег неподалеку от нас, со стороны солнца. Боб сообщил Уиллу «сценарий» нашего старта. Мы должны были стартовать друг за другом с небольшим интервалом в таком порядке: первой стартует упряжка Джефа, за ней мы с Уиллом, далее Кейзо и Жан-Луи и последней упряжка с оборудованием киногруппы, вести которую поручено было Чину Дахо. Поскольку это был его первый опыт управления упряжкой, он решил сосредоточить все внимание на собаках, отложив на время лыжи и их освоение и, как нам показало ближайшее будущее, совершенно справедливо. Журналисты и фотокорреспонденты вышли на исходные позиции и... Стоп! Стоп! Уилл подошел ко мне и объяснил, что моя задача – по команде «Старт!» освободить нашу упряжку от держащей ее натянутой как струна веревки, в два прыжка настичь нарты и присоединиться к нему. Все мы, естественно, были без лыж. Боб Беати дал отмашку. Джефовская упряжка, подчиняясь его короткой команде, ушла на хороших рысях. В искрящейся на солнце снежной пыли нам было видно, как Джеф, накинув свой пояс на рукоятку нарт, пытался бежать рядом, но темп, заданный собаками, оказался чересчур высок, и Джеф вскочил на «облучок» – так мы называли небольшую площадку, образованную концами полозьев, выступающими на стойки нарт. Возбуждение наших собак достигло апогея. Еще бы! Они увидели впереди убегающую упряжку! Уилл, стоя одной ногой на облучке и держась обеими руками за стойки нарт, полуобернувшись ко мне, махнул рукой, что означало: «Давай!» Работая предусмотрительно припасенным ледорубом, я начал выбивать из льда крюк. Все дальнейшее произошло непостижимо быстро и только чудом обошлось без жертв. Вырубленный наполовину крюк согнулся и, влекомый соединенными в едином порыве усилиями тридцати шести собачьих лап, рассекая воздух и минув, к счастью, ближайшую цель – мою голову, – отлетел в сторону журналистов. Собаки, не веря обретенной свободе, распластавшись по снегу, в бешеном аллюре увлекли кричащего что-то Уилла в сторону невидимого пока Мирного. Я, бросив ледоруб, попытался было в полном соответствии со сценарием двумя прыжками настичь нарты, однако маклаки на моих ногах – это не кроссовки «Адидас», а скользкий лед – это не рекортан, да и я, признаться, – отнюдь не Бен Джонсон. Осознание этих трех бесспорных фактов заставило меня приостановить бег и перейти в режим монотонного преследования убегающих от меня собак. Правильно оценив развитие ситуации примерно через полкилометра, Джеф остановил свои нарты. Собаки Уилла, справившись со стартовой лихорадкой, перешли с аллюра на крупную рысь, и Уиллу не составило труда затормозить их метрах в десяти позади упряжки Джефа. Здесь я их и настиг. Характерный для антарктических ледников волнистый рельеф поверхности скрывал от нас точку старта, и поэтому мы не видели, что там происходит. Прошло минут сорок, а может быть, и больше, а упряжка Кейзо все не появлялась.

Не обращая внимания на приметы, мы решили повернуть назад, забраться на один из гребней и оценить обстановку. Стоило нам перестроить наши боевые порядки, как из-за бугра, который мы уже выбрали в качестве наблюдательного пункта, показалась упряжка Кейзо и Жана-Луи. Подъехав к нам, они рассказали, что самое интересное началось сразу же после старта Уилла, когда Кейзо скомандовал «Вперед!» своим собакам. Надо сказать, что большинство собак в упряжке Кейзо работало с ним вот уже третий год, и, несомненно, в течение этого длительного и неизбежного в воспитательной работе процесса взаимопроникновения и взаимообогащения воспитателя и воспитуемых его питомцы переняли от него истинно восточное спокойствие. Иначе чем же, как не этим, можно объяснить тот факт, что после старта собаки и не подумали следовать за остальными своими собратьями, как бы предчувствуя, что эта дорога не сулит им ничего хорошего (ну чем не восточная мудрость!), а, развернувшись, пошли прямо

на группу журналистов. Их безошибочный опыт подсказал им, что там, где стоят люди, остановят и их, а остановка – это корм и отдых (к слову, эта логическая цепочка многократно прослеживалась и в нашем дальнейшем путешествии). Не ожидавшие такого поворота событий журналисты были застигнуты врасплох. Все ограждение было смято, белые элегантные сапожки Жаки, описав замысловатую дугу в воздухе, увенчали живописное нагромождение блокнотов, ручек, фотоаппарата, солнцезащитных очков, представлявшее собой самое Жаки. Расторопные ребята с американского телевидения сумели-таки у самой земли подхватить опрокинутую камеру, но больше всех пострадал Рик, который, как и подобает профессионалу, не расставался со своей фотокамерой до тех пор, пока бегущие прямо к нему в объектив собаки, приблизившись на расстояние гораздо меньше фокусного, не опрокинули его вместе с камерой. В результате его правый глаз, соприкасавшийся с видеоискателем, окружил кровоподтек, окрашенный во все цвета радуги с явным преобладанием фиолетового – самого популярного в цветовой гамме нашей экспедиции. Легче всех отделался Боб Беати, находившийся в состоянии шока, после того как выпущенный на свободу собаками Уилла ледовый крюк просвистел в нескольких сантиметрах над его головой. Пока Жан-Луи в красках описывал эту историю, подъехала упряжка Дахо вместе с киногруппой и «одноглазым», но довольным Риком. Еще через несколько минут низко над нами прошел похожий на красную стрекозу «Твин оттер» и, помахав на прощание крыльями, скрылся за рыжими в лучах заходящего солнца гребнями нунатаков Сил. Мы остались одни. Было около 15 часов. Джеф сказал, что первый из одиннадцати расположенных между стартом и Южным полюсом складов с продовольствием находится километрах в пяти от нас. Мы решили заняться складом завтра утром и, пройдя со старта в общей сложности около трех километров, остановились на ночлег.

Двадцать восьмого утром Джеф уехал с пустыми нартами к складу с продовольствием: из всех участников экспедиции только он один знал или, точнее сказать, визуально помнил места расположения складов, поскольку они с Генри занимались расстановкой складов в январе. Первая победа! Джеф действительно нашел склад и возвратился с нартами, груженными кормом для собак, нашим продовольствием и горючим. Быстро поделили все это по-братски между собой, упаковали нарты и тронулись. В этот день из-за позднего старта и частых остановок, вызванных киносъёмками, мы прошли только 8 километров. Стояла на редкость благоприятная мягкая погода: температура около минус 10, легкий ветерок и прекрасная твердая поверхность, собаки бежали очень легко и с явным неудовольствием останавливались, когда Лорану с его режиссерским видением мира необходимо было снять очередной сюжет из серии «Собаčky упряжки на фоне гор и заходящего солнца». Лоран спешил – светового времени было не так много: уже в три часа дня солнце заваливалось за причудливо изрезанные гребни гор, закрывающих от нас западную сторону горизонта, цвет неба менялся от светло-голубого на западе до густо-фиолетового на востоке. К пяти часам, когда мы разбили лагерь, было уже совершенно темно. Бирюзовые подсвеченные изнутри яркими керосиновыми лампами купола палаток выглядели фантастически в этой космической темноте. В этот вечер, собравшись перед палаткой Жана-Луи и Кейзо, мы устроили небольшой праздник, посвященный началу нашего путешествия. Полированная поверхность высоких металлических кружек поблескивала в свете наших «шахтерских» фонарей. Лоран с камерой, естественно, был рядом – для создания и поддержания в нашей стихийно возникшей массовке киногоеничного настроения он выбросил в круг небольшую бутылочку «Смирновской», которая моментально разошлась по кружкам. Все были в сборе, ждали только Дахо и Джефа, которые, по всей видимости, испытывали определенные трудности с размещением в своей крохотной палатке и особенно со входом и выходом из нее. Наконец, мы услышали скрип снега, и из темноты вынырнул Дахо в красивом оранжевом костюме. Войдя в наш тесный освещенный круг и получив причитающуюся ему кружку, он еще до знакомства с ее содержимым начал как-то странно пританцовывать. Я направил фонарик на его ноги, и все увидели, что Дахо с чисто профессорской рассеянностью забыл надеть

даже домашние тапочки: он стоял на снегу в одних тонких черных носках. В ответ на наш немой вопрос Дахо, продолжая переминаясь с ноги на ногу, заверил нас, что это не простые носки, а носки «Гортекс» и что ему совсем не холодно, к тому же – он показал на лежавший рядом на нартах большой термометр – температура всего минус 5 градусов. Ах, профессор, профессор, и ты пал жертвою коварного Фаренгейта. Пришлось бросить ему под ноги крышку от ящика с собачьим кормом. Появился Джеф. Вежливо, но твердо отклонив посыпавшиеся на него со всех сторон на разных языках заманчивые предложения, насчет «Смирновской», он налил себе горячего кофе. Опустевшие кружки, начинающий пощипывать морозец и усталость очень скоро разогнали нас по палаткам.

Двадцать девятого я проснулся в 5.45, прислушался – вроде тихо, не дует, – зажег свечи. Было не холодно, и примус запустился довольно быстро, и вот уже две его комфорки ровно гудели, быстро нагревая палатку. Поставил чайник, вода в котором за ночь покрылась тонкой корочкой льда, и разбудил Уилла. Подъем, свечи, примус и завтрак – все это входило в круг моих обязанностей, Уилл же отвечал за выживание нашего экипажа вечером. На завтрак были овсянка, кофе, галеты с маслом, а Уилл, кроме того, выпил большую (грамм семьсот, не меньше) кружку чая с лимоном, некоторое количество которых он предусмотрительно запас. Это вполне в его стиле – помню, что и в Гренландии он потрясал мое воображение количеством съедаемых за один присест лимонов. «Это держит меня на безопасном расстоянии от врачей», – объяснил мне Уилл, перехватив однажды мой изумленный взгляд. Пока готовилась каша, Уилл писал дневник – большую толстую тетрадь в жестком глянцево-переплете, которую он красочно оформил накануне вечером, приклеив на второй странице обложки цветную фотографию обнаженной смугло-кожей девушки, сидящей на берегу ручья и держащей в руках какую-то пеструю змею. «Ну?» – спросил меня Уилл, показывая фото и откровенно любуясь им. Я поднял вверх большой палец: «Сила!» – «Я познакомился с ней в Калифорнии после своего первого путешествия в Перуанские Альпы, – продолжал Уилл. – Она была индейкой, мы неплохо провели время, а сейчас она вышла замуж и живет где-то в Мексике», – закончил он. Это тоже одна из характерных черт Уилла: будучи по природе своей настоящим искателем приключений, он не изменял себе даже в такой, казалось бы, совершенно особой области – в отношениях с женщинами. Он знакомил меня и заочно, и очно со многими своими подругами, причем подавляющее большинство из них были, по нашим привычным понятиям, что называется, экзотическими женщинами: японка, кореянка, негритянка, индейка наконец. Наверное, именно по этой причине его брак с очень симпатичной стопроцентной американкой Патти оказался непродолжительным. Однако Патти сохранила не только фамилию Стигер, но и верность делу своего бывшего мужа, открыв в Или – городе, рядом с которым расположено ранчо Уилла, – небольшую фабрику по производству зимней одежды и обуви, главным образом маклаков. Изготовленные ею маклаки мы носили в Гренландии, и вот сейчас в Антарктиде они являются нашей основной обувью.

Уилл писал дневник левой рукой и очень долго, минут сорок пять – пятьдесят, так что я уже успел полностью закончить завтрак и начал одеваться. Посуду мы не мыли по установившейся еще в Гренландии традиции. «Зачем мыть? Каждый день одна и та же еда», – философски заметил тогда Уилл, когда я, проведя перед этим две недели в палатке Джефа, решил сохранить некоторые истинно британские традиции, включая обязательное мытье посуды, и в палатке Уилла. Долго уговаривать меня не пришлось, и практически все британские традиции уступили место американскому новаторству.

Я выбрался наружу. Гора с характерной плоской вершиной, долженствующая по нашим картам венчать собой мыс Дисапойнтмент, находилась, к счастью, на том же месте – впереди, немного справа по курсу и, увы, на том же расстоянии, что и вчера. Сегодня Уилл попросил меня лидировать на лыжах, чтобы немного ускорить темп нашего движения. Выстроились так: я впереди, за мной упряжка Джефа, за ним Кейзо и Жан-Луи, затем Уилл с Риком и послед-

ним Дахо с киношниками. Дахо нелегко давалось искусство управления упряжкой, собаки его практически не слушались – особенно им не нравилась в его исполнении команда «стоп», поэтому его упряжка часто ломала все «кинопостроения» Лорана, в которых, как правило, каждой упряжке отводилось вполне определенное место. Дахо нервничал, кричал на собак, часто пускал в ход лыжную палку, что, разумеется, никак не способствовало их взаимопониманию. Сегодня было довольно трудно бежать на лыжах: поверхность – практически голый лед, ноги разъезжались. Собаки чувствовали себя намного увереннее, и поэтому упряжка Джефа легко меня настигала. Оставил лыжи Джефу и попробовал бежать. Мне удалось даже на некоторое время оторваться от собак и сохранить безостановочное движение. В результате за два часа прошли около 10 километров. Неожиданно я наткнулся на невысокий, но широкий ледяной бугор, простиравшийся метров на пятьдесят-шестьдесят влево и вправо от нашего курса. Рельеф за этим неожиданным препятствием резко понижался.

Я вскарабкался на бугор и увидел, что это край гигантской трещины. Снежный мост, закрывающий ее в середине, был разрушен. Надо было предупредить ребят. Я развернулся и начал махать руками. Джеф подъехал ко мне вплотную и остановил собак, то же сделали все остальные, кроме Дахо – его упряжка внезапно изменила курс и, набирая скорость, пошла вправо. Некоторое время Дахо бежал за ней, а затем не выдержал темпа, упал и выпустил стойки нарт из рук. Неприятная ситуация. Упряжка мчалась, предоставленная самой себе, прямо по направлению к трещине. Я бросился наперехват, криками призывая жоака Томми к благоразумию (Томми – очень пугливая собака, поэтому лучший способ как-то воздействовать на нее в нужном направлении – это спокойное и ласковое убеждение). Метров через сто пересек линию движения упряжки и остановился. Присел на корточки и подманил собак, что мне, к счастью, удалось. Повел упряжку к Дахо, который с криком набросился на Томми. Пришлось объяснить профессору, что сейчас этого делать нельзя – уже поздно.

Мы стояли все вместе у трещины и раздумывали, в какую сторону ее огибать. Решили обогнуть ее, отклонившись восточнее, подальше от гор. Лоран, страхуемый Бернардом, подошел к самому ее краю и снял нас на живописном фоне трещины. Рядом с упряжками трещина выглядела еще более внушительно – вся упряжка вполне могла бы целиком уместиться в ее открытой пасти. Нам удалось благополучно обойти эту первую на нашем пути трещину и пройти еще 6 километров до наступления сумерек. Поставили лагерь. Я подал забравшемуся в палатку Уиллу спальные мешки, сумки с личными вещами, два фанерных ящика, в одном из которых (красном) находились продукты для ужина, а в другом (черном) – для завтрака, примус, запасные баллончики с бензином и пустой ящик из-под собачьего корма, служивший нам столом. Сам я остался снаружи, чтобы окопать палатку, заготовить снега для воды, распрячь и накормить собак. Уилл тем временем готовил ужин. На расстоянии метров двадцати пяти от нарт в направлении, близком к нашему курсу, я забил в снег металлическую пластинку с привязанным к ней тросом (эта пластина служила якорем), между этим якорем и нартами натянул стальной трос с отводами для собак и развел их по местам. Все остальное надо было делать очень быстро. Собаки знали, что следующим этапом после «разводки» будет кормление, и в предвкушении этого долгожданного момента начали лаять и прыгать на поводках (если в этот момент не поспешить с кормлением, то они могут сорвать якорь и тогда будет чрезвычайно трудно собрать их вновь). Поэтому я, как заправский баскетболист, бросал брикеты, корма прямо от нарт. Главное – это быстро ублажить первых четырех, самых сильных: Горди, Джуниора, Пэнду и Баффи; остальным собакам я отнес корм в ящике. После кормления я снял постромки с «неблагонадежных»: Блая, Тима и Егера, уличенных ранее в чрезмерном внимании к материалу постромок, в результате чего утром от этих изящных изделий оставалась лишь небольшая часть нестыкующихся друг с другом кусков. Залез в палатку. Ароматы Уилловской кухни, дрожащее пламя свечей, тепло и предвкушение отдыха – великолепная награда за сегодняшний, да и за все предшествующие дни.

Склонившись над примусом, я выдрал из бороды и усов кусочки льда и постарался побыстрее раздеться. Очистив щеткой куртку и брюки от снега, сложил их в нейлоновый мешок, заменяющий мне подушку, и, подвесив маклаки на специальных крючках к потолку палатки, уселся поудобнее на спальном мешке – я был готов к ужину. На этот раз Уилл приготовил некое подобие плова – отварной рис с пеммиканом. Для придания остроты этому в общем-то пресному блюду я решил полить его огнеопасным чилийским красным соусом, за что и был тут же наказан – соус, в нормальных условиях достаточно густой, сейчас внезапно вылился в мою миску огненной красной рекой (баночка с ним стояла у примуса и нагрелась). В результате плов можно было принимать только с принудительным охлаждением рта, но мой аппетит позволил мне справиться и с этой непростой задачей.

Тридцатого и тридцать первого продолжили движение по шельфовому леднику Ларсена километрах в двадцати от гор, прикрывающих нас от циклонов и приносящих непогоду западных ветров; температура – от минус 15 до минус 25 градусов, ветер в основном северо-восточного и восточного направлений. По вечерам мы видели, как тяжелые облака напоздали с запада на вершины гор, но какая-то невидимая сила мешала им перевалить это препятствие, и, как будто подчиняясь этой силе, казалось, в самый критический момент бурлящая, грозящая вырваться наружу пена облаков безвольно оседала, откатывалась назад, и только отдельные вырвавшиеся вперед хлопья ее сползали в ущелья и вываливались на ледник серыми, сморщенными, потерявшими форму языками.

Кажется, именно тогда Дахо решил испытать себя как лыжник, к великой радости Лорана, волком рыскавшего вокруг в поисках интересного сюжета. Лоран с камерой на плече сел верхом на нарты спиной к собакам, Дахо же, надев лыжи, встал слева от нарт, держа в левой руке лыжную палку, а правой ухватившись за стойку нарт. Бернар с магнитофоном и закрепленным на длинной штанге микрофоном, похожим на покрытый мехом кабачок, расположился справа. По команде «О'кэй!» все это неустойчивое сооружение довольно лихо тронулось с места, но уже в следующее мгновение ноги Дахо, не желающие смириться с этой новой для них обузой в виде лыж, начали отставать. Профессор, не выпускавший стойки нарт из рук, наклонился вперед, и его нетренированное тело приняло странную позу: нечто среднее между позой прыгающего с трамплина лыжника в промежуточной фазе полета и позой копьеметателя в заключительной фазе броска. Когда сила сцепления лыж с поверхностью снега, сравнившись с силой реакции растянутого пружиной тела профессора, начала превосходить ее, рука Дахо отпустила стойку нарт и он исчез из поля зрения камеры Лорана. Все началось сначала. На этот раз лыжи готовили профессору новый удар. Совершенно неожиданно правая лыжа изменила курс и стремительно двинулась в сторону левой, а та, словно сговорившись с ней, совершила обратный маневр. В результате этого гнусного заговора лыж профессор оказался на четвереньках и вновь прекратил победное поступательное движение. Мало-помалу интервалы времени, в течение которых профессор сохранял подобающее его рангу вертикальное положение, удлинялись, и в конце дня он уже довольно сносно держался за нартами на лыжах, помогая себе в такт палкой. Все мы приветствовали рождение нового, последнего в нашей команде, лыжника радостными криками.

Глава 2

Август

Первая пурга. Катастрофа на спуске. Спиннер в трещине. Куда девался склад с продовольствием?! Ледяные улыбки Мобил Ойл. Десять миль за трое суток. День рождения Уилла. Касался льда расплавленный язык. Плато Дайер

Начало августа выдалось на редкость теплым. Первого августа мы отметили максимальную температуру – минус четыре градуса, но к вечеру поднялся ветер до 25 метров в секунду, и утром 2 августа температура упала до минус 27. Прошла неделя нашего путешествия, мы подошли вплотную к мысу Дисапойнтмент, пройдя со старта около 100 километров. Такой невысокий темп движения объяснялся двумя причинами. Во-первых, мы могли двигаться только по шесть часов в сутки (светлое время от 9.30 до 15.30), а во-вторых – приходилось часто останавливаться для киносъемок. Поэтому мы, конечно же, обрадовались, узнав по радио, что из Пунта-Аренас на Кинг-Джордж вылетел «Твин оттер» с тем, чтобы забрать киногруппу и Рика. Однако последнее слово, как всегда, оставалось за погодой. Четвертого августа, когда мы лихо скользили на лыжах рядом с нартами по совершенно бесснежному голубому льду, разорванному во многих местах неширокими хорошо заметными трещинами, довольно неожиданно – как говорится, без видимых причин – с юга задул ветер. Необычность его состояла в том, что дул он при совершенно ясном голубом небе, причем дул, усиливаясь на глазах. Кроме того, это был первый за прошедшее время встречный ветер, так что все мы и, конечно же, наши собаки сразу почувствовали ощутимую разницу между тем, что было, и тем, что стало. Сейчас нас окружала обжигающе холодная, плотная стена. Я особенно остро это ощущал, потому что накануне состриг бороду, а затем и побрился. Дело в том, что, с одной стороны, борода и усы, закрывая часть лица, защищают его от обморожения и солнечных ожогов, а с другой – когда бежишь или идешь на лыжах, выдыхаемый влажный, теплый воздух, оседая на усах и бороде в виде инея, быстро превращается в сосульки. При встречном ветре и морозе на усах и бороде образуется настолько крепкая корочка льда, что избавиться от нее можно лишь в теплом помещении; порой усы и борода смерзаются и, чтобы хотя бы просто открыть рот, необходимы специальные меры (в Гренландии, например, для «расклеивания» усов и бороды я использовал чай из термоса), кроме того, машинное облизывание сосулек на усах приводит к обморожению кончика языка. Я сначала не мог понять, отчего по утрам так щиплет язык, принимая это за какое-то проявление авитаминоза, но потом, как-то раз коснувшись языком сосульки на усах в тридцатиградусный мороз, понял, что дело вовсе не в недостатке витаминов. Так или иначе я принял решение сбрить всю составлявшую ранее предмет моей гордости растительность на лице. Надо сказать, что к этому шагу меня всячески подталкивал Лоран, с которым я имел неосторожность поделиться моими еще не окончательно определенными планами в отношении бороды. «Как же! – вскричал Лоран. – Такой уникальный сюжет! Американец стрижет бороду русскому ночью при свечах!» Наш Феллини (так я называл Лорана к его удовольствию) уже вполне представлял себе эту сцену. Все получилось именно так, как представлял Лоран. Сначала я за несколько энергичных движений маникюрными ножницами (других у нас в палатке просто не оказалось) довел свою бороду до состояния вырубленного тупым топором кустарника, а затем, когда продолжать эту процедуру самостоятельно в неверном свете свечи и при отсутствии зеркала стало небезопасно, за дело взялся Уилл. Приблизившись ко мне вплотную и глядя на меня своими добрыми близорукими глазами, Уилл завершил начатое дело. Температура в нашем салоне красоты ненамного отличалась от таковой за пределами салона, то есть была близка к минус 20, чему мы были обязаны Феллини, снимавшему весь процесс через открытую дверь палатки.

Горизонт начал «размываться», что означало катящуюся нам навстречу низовую метель. Лагерь ставили, когда ветер уже достиг силы шторма. Стрелка моего анемометра устойчиво держалась на отметке 25 метров в секунду, отдельные порывы забрасывали ее за пределы шкалы, то есть за 30 метров в секунду; стало трудно держаться на ногах, не говоря уже о том, чтобы поставить палатку. Требовалось предельное внимание, любая вещь – от чехла для палаточных кольев до огромного и достаточно тяжелого спального мешка, – оставленная без присмотра, могла стать легкой добычей ветра. Поэтому, развязав веревки, стягивающие груз на нартах, мы первым делом организовали место для временного хранения спальных мешков. Воткнув в снег лыжи и лыжные палки и образовав нечто наподобие забора поперек ветра, мы подтащили к нему спальные мешки. Ветер плотно прижал их к забору, и мы спокойно – вернее, без опасений за их судьбу – могли сосредоточить все внимание на установке палатки. Совершенно покорная и кроткая в тихую погоду палатка на ветру превратилась в дикого, неукротимого зверя. Сначала мы прижали пол внутреннего чехла четырьмя кольями с наветренной стороны, затем, оставив Уилла у кольев, я переместился на подветренную сторону и попытался натянуть внутренний чехол на трубки каркаса. После пятнадцатиминутной борьбы с ними мне все же удалось это сделать. Однако ветер здорово изменил форму палатки: наветренная стенка оказалась вдавленной внутрь, а подветренную раздуло, как щеку при флюсе. Забили еще четыре кольешка, прижав палатку по периметру к снегу. Теперь надо было установить наружный чехол. Решили привлечь на помощь... ветер. Эта идея одновременно пришла нам с Уиллом в голову, как только мы поднесли к палатке вырывающийся из рук, хлопающий длинными черными «ушами» чехол. Мы свернули его насколько возможно и, пристегнув чехол на четыре замка с наветренной стороны палатки, отпустили его на волю. Он тотчас же взмыл ввысь огромным бирюзовым факелом. Ветер перебросил его через палатку, и нам оставалось только пристегнуть замки с противоположной стороны, что мы и сделали. Веревки оттяжек были спутаны, как будто специально. Распутывали их, стоя по разные стороны от палатки. Первоначально установленные для фиксации внутреннего чехла колья были использованы для закрепления оттяжек. Дом был готов. Я осмотрелся вокруг. Маленький шатер Джефа уже стоял, Кейзо и Жан-Луи заканчивали борьбу с наружным чехлом, Лоран, оставив установку палатки Бернару и Рику с камерой, придающей ему дополнительную устойчивость, передвигался по лагерю и снимал, снимал, снимал – первая настоящая метель!

Наступили сумерки, и без того плохая видимость ухудшилась еще больше. Я развел собак. Они шли за мной покорно и, кажется, с закрытыми глазами – им предстояла трудная ночь. Оказавшись на месте, они подолгу топтались, как бы выбирая, как поудобнее лечь, чтобы не так досаждал ветер, затем сворачивались клубком, спрятав морду в хвост, поджав лапы и подставив ветру спину, и уже не смотрели в сторону нарта в ожидании кормления. С учетом прошлого опыта я разместил собак на ночлег в определенном порядке, нарушить его – это почти наверняка обречь себя (а главным образом очень чутко спящего Уилла) на бессонную ночь, потому что если, например, молодой Блай окажется рядом с «пожилым», но чрезвычайно сварливым Хэнком, то всю ночь они будут переругиваться, не давая спать остальным собакам и тем, кто имел неосторожность поставить палатку поблизости. Но в такую погоду собакам было не до выяснения отношений: большинство из них даже не подняло головы, когда я разнес корм. Пришлось оставить его рядом – корм непременно будет съеден позже.

В палатке царил полная благодать. Ветер остался за стенкой, внутри же все было покрыто снегом – его намело, пока ставили палатку. Передавая щетку друг другу, постепенно навели порядок – можно запускать примус. Ночью ветер, кажется, усилился, и я, засыпая, долго не мог отогнать мысль о том, что палатку может сорвать, хотя отдельные порывы ветра сотрясали ее так, что заставляли вновь и вновь возвращаться к этой мысли, но уже, кажется, во сне.

Утром 5 августа шторм свирепствовал по-прежнему, низовая метель перешла в общую, температура понизилась до минус 22 градусов, видимость ухудшилась: стоящую в 20 метрах

палатку Жана-Луи и Кейзо было не видно вовсе, не говоря уже об остальных, расположенных подальше. Убедившись в полнейшей бесперспективности движения в такую погоду, опять залезли в спальные мешки и проснулись уже часов в десять, когда совсем рассвело. Весь день занимались мелкими домашними делами: я зашил разорванные накануне во время борьбы с палаткой брюки, Уилл приводил в порядок дневниковые записи. Этот день обошелся без визитов, мы же побаловали себя шоколадом и орехами. Вечером услышал сквозь шум ветра отдаленные голоса – Кейзо вышел проведать собак, я тоже, одевшись, выбрался из палатки, хотя Уилл пробормотал что-то вроде того, что не стоит и кормить их в такую погоду – все равно не будут есть, но желание посмотреть, как они провели эту холодную ночь, и вообще посмотреть, что творится снаружи, одержало верх. Выбираться пришлось на четвереньках, так как за ночь перед дверью намело высокий бруствер из снега. Было уже совсем темно, и чувствовалось, что ветер начинает стихать, потому что снег несло уже только на высоте моего роста. Небо было звездным, бледно просвечивала луна. Вопреки моим ожиданиям и опасениям, все собаки оказались незамеченными и, очевидно, тоже чувствуя изменения в погоде в лучшую сторону, живо отреагировали на мое приближение, явно рассчитывая получить причитающуюся им штормовую норму. Накормив собак, я осмотрел палатку: все отяжки, вроде, целы, нарты полностью занесены, от нашей палатки в сторону палатки Кейзо протянулся высокий снежный шлейф. Немного раскопав вход, забрался в палатку. Уилл, погрузив ноги в спальный мешок, продолжал писать при свече. Сообщил ему, что собаки в норме и что, кажется, завтра погода будет получше.

Увы, я ошибся. Ветер не стих, метель, видимость менее 50 метров, просидели в палатках весь следующий день. Я попытался немного разнообразить монотонный вой ветра не столь монотонным и заунывным, как мне тогда казалось, исполнением песен из старого песенника, который я захватил из дома. Уилл терпеливо слушал, ибо деться было некуда, правда, я чутко следил за состоянием аудитории и выбирал соответствующие настроению песни. Особенно ему понравились песни из кинофильма «Дом, в котором я живу» и «А годы летят...», содержание которых я, как смог, перевел. В полдень в палатку просунул заснеженную голову Рик. На нем были маска и большие горнолыжные очки. Задуваемый ветром снежок струился в полураскрытую дверь палатки вместе с неторопливой речью Рика. Рик сообщил, что уже фотографировал и собак, и лагерь во время метели, а теперь мечтал бы сделать несколько снимков у нас в палатке. Получив разрешение, он заполз внутрь. Процесс этот длился несколько дольше обычного, поскольку Рик вползал не один, а в сопровождении своих бесчисленных аппаратов, осветительных ламп и батарей, а кроме того, на нем был полный комплект одежды. Легко себе представить, как тесно стало в палатке. Рик снимал разные бытовые сценки, которые мы добросовестно вновь и вновь разыгрывали перед его камерой. Вот я наливаю чай Уиллу, вот он пишет дневник, вот мы рассматриваем карту, вот, наконец, я пою (слава Богу, без звукозаписи). Рик сообщил, что у Лорана кончилась пленка и вообще их продукты на исходе (по плану киногруппа и Рик должны были улететь 3–4 августа). У нас, конечно, был аварийный запас, но все-таки мы надеялись, что самолет прилетит раньше, чем мы его вскрыем.

Утро 7 августа принесло долгожданную погоду. Температура минус 20, но ветер стих. Я выскочил из палатки босой и нагишом и искупался в мягком свежем снегу – удовольствие огромное, особенно потом, когда заберешься в палатку и почувствуешь, как тепло снаружи и главным образом изнутри пульсирующими, почти физически ощущаемыми волнами наполняет тебя, приводя и тело, и дух в состояние, близкое к блаженству. Начиная с этого дня и до конца экспедиции я каждый день при любой погоде принимал такие снежные ванны, и при всем многообразии условий и настроений общим для них было именно это последующее состояние блаженства.

В полдень прилетел самолет, он привез Боба Беати и его ребят для одного из последних стартовых интервью. Надо сказать, что вопросы Боба не отличались особым разнообра-

зием, и уже после первой встречи с ним мы примерно представляли, о чем будем говорить. Мне, естественно, был задан вопрос о снежных ваннах: думаю ли я продолжать их, когда температура на плато упадет до минус 40 и ниже? Я, разумеется, ответил, что непременно буду и единственным, что может мне помешать, так это отсутствие снега и очень сильный ветер. Этот ответ привел Боба в полный восторг, которым он незамедлительно решил поделиться с потенциальными телезрителями. Жану-Луи был задан вопрос о том, какая, по его мнению, разница между Парижем и тем местом, где мы все, включая самого Боба, сейчас находимся. Даже выдавший виды Жан-Луи сразу не нашел, что ответить; он только сказал что-то вроде того, что в Париже женщин больше, чем собак, а здесь наоборот... Вопросы, предназначенные остальным, я не запомнил, но после интервью Боб надолго превратился для нас в некую нарицательную фигуру, с которой связано нечто непередаваемо забавное. Жан-Луи завел даже специальную тетрадку, куда старался заносить все вплоть до мельчайших деталей, отличающих от Парижа ту или иную точку нашего маршрута (разумеется, в рассмотрение брались только те места, куда теоретически мог попасть Боб). А у нас с Уиллом была примета: если сильно метет, то достаточно сто раз подряд произнести: «Боб Беати, Боб Беати и т. д.», и ветер моментально стихнет. Хотите верьте, хотите нет, но иногда это помогало.

Погрузили в самолет все оборудование наших славных кинолетописцев, включая нарты и палатки. Я отправил на Кинг-Джордж образцы снега (около 10 килограммов) для проведения исследований на предмет содержания в снеге примесей тяжелых металлов. Содержание примесей определяется путем фильтрования талой воды, а поскольку выполнить эту работу в полевых условиях невозможно, я попросил помочь мне в этом Джона Стетсона, оставив ему все необходимое оборудование и инструкции, при этом я предполагал отправлять пробы с разных точек маршрута. Кроме того, я занимался исследованиями приземного озона с помощью портативного хемолуминесцентного газоанализатора – уникального в своем роде аппарата, изготовленного специально для экспедиции Ленинградским гидрометеорологическим институтом. И коль скоро я заговорил о научной программе экспедиции, скажу, что, несмотря на все трудности, связанные с освоением лыж, Дахо каждые два дня начиная со старта отбирал образцы снега для последующего изотопного анализа. «Отбирал» он их в прямом смысле и практически всегда силой, поскольку на поверхности ледника Ларсена, по которому мы шли в это время, мягкий снег как таковой в большинстве случаев отсутствовал – был или чистый лед, или очень плотный фирн, и Дахо затрачивал много сил, чтобы взять пробы с подповерхностных горизонтов. Но если мы с ним занимались выполнением своей научной программы сами под сочувствующими взглядами наших товарищей, то научная программа Жана-Луи требовала непосредственного участия каждого из нас. Дело в том, что в соответствии с договором, заключенным с Европейским научным центром, Жан-Луи обязался раз в неделю собирать суточную мочу каждого участника и одновременно с этим распространять среди нас анкету-вопросник с одними и теми же периодически видоизменяемыми вопросами на тему «Как вы себя чувствуете?», «Кто ваш настоящий лидер?», «О чем вы думаете?» и т. д. Сбор суточной мочи в наших условиях, как вы понимаете, был делом непростым, и не всегда, естественно, она получалась суточной. Но не легче было и нашему доктору, который, отбирая у нас каждый вечер полиэтиленовую банку, кусок льда в которой представлял все или почти все, что мы отдавали Антарктиде в обмен на чай, кофе и т. п., подвешивал ее под потолок палатки и, когда этот лед таял, отбирал пробы этой ценнейшей жидкости в небольшие стеклянные пробирки, обозначая их номерами и датируя.

(В этом эксперименте мы все проходили под постоянными номерами: Жан-Луи – № 1, Кейзо – № 2, Дахо – № 3, Джеф – № 4, я – № 5 и Уилл – № 6.) Время от времени (обычно это были редкие моменты, когда мы собирались вместе и Жан-Луи пребывал в особенно благодушном настроении) он напоминал нам, что скоро вплотную займется нашей кровью.

В тот день 7 августа, проведив самолет, мы прошли еще около полутора часов и остановились на ночлег. Причин для приподнятого настроения было более чем достаточно: с одной стороны, погода улучшилась, а с другой – и это, пожалуй, главное – мы впервые остались на льду вшестером, только своим боевым составом, так что ничто и никто более нас не сдерживало. Мы начинали свою Трансантарктику.

8 августа. Солнце, порадовавшее нас с утра, буквально через час после старта скрылось за толстой пеленой облачности, пошел снег, западный ветер гнал над самой поверхностью ледника белые лохмотья прорвавшихся через горы облаков. Рассеянный солнечный свет и сливающиеся с белым снегом облака превратили поверхность ледника в «ничто» безликое, не имеющее никаких характерных черт. (Это довольно распространенное в Арктике и Антарктике явление, называемое белой мглой, впоследствии станет нашим частым спутником, причем одним из самых неприятных.) Мы двигались, буквально нащупывая лыжами поверхность. Впереди шла упряжка Джефа с умницей Тьюли во главе. Молодая, двухлетняя, с великолепным светло-серым волчьего окраса мехом и красивыми золотисто-карими глазами, Тьюли была единственной сукой среди всех наших собак. И как бы оправдывая сложившееся на основании многовекового человеческого опыта и получающее все больше фактических доказательств, особенно в последнее время, мнение о преимуществах женского ума, эта собака, демонстрируя все лучшие качества женской натуры – верность, ум, самоотверженность, – вела нас всех – и двуногих, и четвероногих мужчин – через метели и трещины, встречный ветер, трудные подъемы и коварные спуски зимнего Антарктического полуострова. Джеф, поглядывая на укрепленный на перекладине между стойками нарт компас, командовал ей «джи» или «хо», что означало «вправо» или «влево» соответственно, и Тьюли, время от времени поворачивая назад свою умную морду и как бы проверяя, что эти команды исходят действительно от Джефа, безошибочно и без задержки выполняла их. Вторыми шли мы с Уиллом. Я скользил на лыжах справа от нарт, держа левой рукой за стойку. Замыкали процессию Жан-Луи и Кейзо. Видимость была не более 200 метров, и мы старались не выпускать друг друга из вида. К полудню характер рельефа изменился: мы вошли в зону больших ледяных куполов, снега на поверхности практически не было, попадались изрезанные трещинами участки чистого льда темно-голубого цвета, на которых нарты развивали опасно высокую скорость. Зная, что в таких районах возможны крупные трещины, и учитывая плохую видимость, мы стали двигаться с предельной осторожностью, не давая собакам разогнаться. Несколько куполов мы преодолели успешно. В конце каждого спуска Джеф останавливал нарты и поджидал наши упряжки. На некоторых спусках, несмотря на наши попытки притормозить нарты с помощью накинутах на стойки нарт страховочных поясов (при этом мы с Уиллом одновременно отклонялись назад, ставя лыжи под углом к движению), скорость все еще оставалась большой. В этой ситуации оставалось только следить, чтобы нарты не перегоняли собак, поэтому, тормозя нарты, мы одновременно поторапливали собак, которые, надо сказать, практически в этом не нуждались. Глядя вперед и видя, как Джеф, стоя на облучке, работает своим тормозом, мы впервые пожалели об его отсутствии у нас. Часа через два подобной езды мы стали, кажется, входить во вкус, и чувство осторожности отступило перед желанием прокатиться на лыжах с ветерком, да и погода немного прояснилась, снег прекратился, видимость улучшилась. Наверное, поэтому мы не оценили крутизны и протяженности очередного спуска. Джеф надолго пропал из виду, и мы поняли, что он спускается. Когда собаки внесли нарты на вершину купола, мы увидели Джефа далеко внизу. Собаки, тоже заметив отдыхающих внизу собратьев, рванули вниз, увлекая за собой и тяжелые нарты, и двух привязанных к ним путешественников. Скорость быстро увеличивалась, ветер свистел в ушах, мы главным образом смотрели под ноги с единственной целью – устоять. Вскоре нарты стали настигать упряжку, и вот уже их передок поравнялся с хвостами коренных псов (чтобы собаки не попали под полозья, мы направили нарты чуть

левее упряжки). Было видно, что, несмотря на все старания, нашим тяжелым, не привыкшим к такой прыти собакам не убежать от нарт, и мы с Уиллом приняли ошибочное (с высоты нашего теперешнего опыта) решение притормозить нарты, слегка развернув их... В следующее же мгновение нарты перевернулись, и я, все еще привязанный к их стойке вместе с лыжами, сделал кульбит в стиле фристайл и, что называется, не выпуская «шасси», приледнился слева от перевернутых нарт всего в метре от них ниже по спуску. Уилл упал не столь эффектно и поэтому поднялся первым. Собаки остановились и, не понимая, что же стряслось, с любопытством наблюдали за поверженными наземь погонщиками. Наиболее мудрые из них, считая (и не без оснований), что уже «приехали», улеглись на лед и принялись зализывать лапы. Джеф, до которого оставалось еще метров сто пятьдесят, наблюдал за нами снизу. Убедившись, что падение, во всяком случае на первый взгляд, обошлось без последствий, и сняв лыжи, мы с Уиллом приступили к осмотру места происшествия. Нарты выглядели вполне здоровыми, только их левый полоз, на который пришлась основная нагрузка, подогнулся вовнутрь. «Пустяки, – сказал Стигер, – дело житейское. Надо только перевязать заново веревки, скрепляющие поперечные планки нарт с полозьями». Мы быстро освободили нарты от груза и перевернули их. Только сейчас картина нашего падения предстала перед нами во всем своем мрачном великолепии: полоз был раскрошен практически по всей длине, за исключением концевых частей. Помню, как во время подготовки к гренландской экспедиции в столярной мастерской на ранчо Стигера я помогал Джону Стетсону клеить полозья для нарт. Семь специально отобранных без единого сучка длинных досок склеивались с помощью какого-то сверхлипкого на эпоксидной основе клея. Помню поразившие меня гигантские струбины, которыми мы прижимали доски через каждые 20–30 сантиметров, и как после обработки из этой заготовки получался высокий, высотой около 20 сантиметров, красивый наборный полоз, готовый, как казалось, служить вечно. И вот теперь он стал неузнаваемо жалким, расщепленным во многих местах и, увы, восстановлению в наших условиях абсолютно не подлежащим. Наиболее пострадала верхняя его часть, а именно узлы крепления с поперечными планками рабочей площадки нарт, большая трещина проходила через среднюю часть полоза, густая сеть более мелких трещин разбегалась к краям, полностью сохранились лишь доски двух первых, ближайших к скользящей поверхности слоев. Пришлось позвать на консультацию Джефа, как профессионального плотника. Коротко обсудив ситуацию, решили попробовать изготовить из наших больших нарт двое поменьше, используя фрагменты сломанного полоза. Упряжки Жана-Луи и Кейзо пока не было видно, и Дахо отправился на вершину холма, чтобы посмотреть, почему они отстали. Мы принялись за работу. Освободив сломанный полоз от уцелевших веревок, распилили его на две неравные части – получились две лыжины разной длины, разной высоты и по-разному загнутые. Второй полоз был абсолютно цел, и рука не поднималась его пилить, тем более что мы пользовались небольшой пилкой из швейцарского перочинного ножа Уилла. Но выбирать не приходилось! Отрезали две лыжины разной длины и получили все основные заготовки для маленьких нарт.

Жана-Луи, Кейзо и теперь уже и Дахо все не было. Оставив Уилла и Джефа около нарт, я отправился по нашему следу назад, прощупывая поверхность лыжной палкой, потому что вокруг было много трещин. С вершины холма открылась картина, отнюдь не прибавившая мне оптимизма: примерно в полукилометре позади стояли нарты Кейзо, а рядом я разглядел черные точки собак и крохотную с такого расстояния бирюзовую капельку палатки. Что-то стряслось, неужели трещина?! Заметив рядом с палаткой две маленькие фигурки я немного успокоился – слава Богу, ребята целы. От палатки отделилась небольшая черная точка, которая, постепенно увеличиваясь в размерах, вскоре приобрела очертания возвращающегося профессора. Поравнявшись со мной, профессор, махнув рукой, произнес: «Абсолютно то же самое, тот же полоз и те же проблемы». Наш отчет об увиденном вызвал сочное ругательство Уилла и едва ли не столь же красноречивое молчание Джефа. Решили вернуться назад к палатке

Этьенна и Кейзо, разбить лагерь и начать ремонт материальной части. Легко сказать – вернуться! На чем?! Наскоро, в четыре пары рук, связали полозья, часть груза отдали Джефу, а остальное разместили на двух импровизированных маленьких нартах, которые прицепили друг за другом. Ветер стих совершенно, было даже не очень холодно (примерно минус 20 градусов), но от долгого стояния на месте начали подмерзать ноги. Однако даже на этом коротком пути назад я успел основательно согреться, ибо все время приходилось тормозить собак, подбирая разваливающиеся по сторонам спальные мешки, не желающие размещаться на маленьких нартах, и поправляя полозья, безвольно подгибающиеся внутрь после каждого толчка или поворота нарт. Пересекли по снежным мостам несколько широких – более 5 метров – трещин. Прежде чем пустить по мосту собак, я проходил на лыжах сам, прощупывая дорогу лыжной палкой.

Примерно через час мы достигли лагеря Этьенна. Они оба были уже вплотную заняты починкой нарт. Этьенн со свойственными ему богатой мимикой и жестикуляцией в красках рассказал, как они перевернулись еще на предыдущем спуске, который нам удалось благополучно миновать. Меньшая скорость и меньший вес – это меньшие потери! Полоз их нарт выглядел не так страшно, как наш: трещина прошла от узла крепления стойки нарт вперед по середине полоза примерно на метр, так что была надежда восстановить нарты, а это уже легче.

Собравшись в нашей палатке, подвели итоги первого дня самостоятельного путешествия: актив – шесть здоровых, полных сил и энергии и имеющих едва початый запас оптимизма путешественников, тридцать шесть лохматых, сильных, сытых и поэтому имеющих непочатый запас оптимизма собак, одни целые нарты, запас продовольствия на четыре дня и горючего на неделю и менее 40 километров от второго лагеря с продовольствием; пассив – двое сломанных нарт, неустойчивая погода и обилие трещин кругом, одна из которых проходила буквально в полуметре от палатки Этьенна и Кейзо. Именно по этой причине предложение о том, чтобы вызвать самолет и получить новые нарты, не прошло, а кроме того, из чисто психологических соображений нам не хотелось прибегать к этой крайней мере. Нам казалось, что если мы с самого начала станем пользоваться поддержкой извне, то это не будет способствовать подъему духа команды и поддержанию ее престижа в глазах внимательно следящих за экспедицией людей. Поэтому решили посвятить весь завтрашний день ремонту нарт.

Утром 9 августа погода по-прежнему была неустойчивой, температура минус 16, туман. Мы с Уиллом освободили нашу палатку, оставив только примус с одной работающей горелкой – здесь должна была быть главная ремонтная база. Весь инструмент – отвертка, два перочинных универсальных швейцарских ножа и магические пассатижи Уилла, которые можно использовать в режиме сверления, а точнее «проворачивания» отверстий. Материал – уже упомянутые мной четыре разновеликих полоза, поперечные планки и моток четырехмиллиметрового нейлонового фала. Из всего этого нам предстояло соорудить нечто похожее на нарты, то есть способное, не разваливаясь, передвигаться не только само по себе, но и с грузом. Пока мы с Джефом, стоя в палатке на коленях и периодически отогревая озябшие пальцы над примусом, старательно вязали узлы, снаружи тоже не затихала работа. На белоснежной простыне «операционного стола» над опрокинутыми нартами трудилась интернациональная бригада «хирургов» из Китая и Японии, возглавляемая доктором медицины Жаном-Луи Этьенном (Франция). Фотокорреспондент из США Уилл Стигер, представляющий журнал «Нэшнл джиогрэфик», снимал рабочие моменты. Ведущий специалист в области пересадки полозьев, представитель Великобритании Джеф Сомерс, время от времени вылезая передохнуть из другого «операционного блока», подсказывал своим коллегам, как по его мнению можно продлить жизнь «больного» и сделать его более устойчивым к жизненным ухабам. Джеф предложил распилить запасные поперечные планки и закрепить их на полозьях вертикально, расположив их друг напротив друга по всей длине полоза так, чтобы концы их выступали над рабочей площадкой нарт, после чего связать эти выступающие концы веревками. Это, по мнению Джефа, должно было при-

дать нартам дополнительную прочность в поперечном направлении. После непродолжительного консилиума совет был принят, и в результате к вечеру мы имели двое нормальных и двое укороченных нарт. Наша упряжка разделилась. Уилл взял себе семь собак и большие из маленьких нарт, я забрал оставшихся пять собак и совсем крохотные нарты. Чтобы увеличить их рабочую площадку, мы с Дахо привязали поверх поперечных планок две ориентированные параллельно полозьям лыжи.

В дневнике нашей экспедиции, который велся в США на основании получаемой по радио или через спутник информации, читаю:

«9 августа. Весь день команда работала над починкой нарт, они планируют продолжить путешествие на двух с половиной нартах до следующего самолета, который ожидается через две недели, моральное состояние команды – отличное. Труднее всего Дахо, который все еще осваивает лыжи и одновременно не прекращает сбор образцов снега – дело для этого района крайне сложное из-за малого снегонакопления. Жан-Луи продолжает сбор проб мочи. Виктор в порыве чрезмерного усердия в выполнении своей метеорологической программы разбил три термометра (преувеличено по меньшей мерс в три раза), он (то есть я) находится в очень хорошей форме – все время просыпается и встает первым, а ложится последним. Джеф очень рад возвращению в Антарктику. Он говорит: „После трех лет, проведенных вне «дома», я чувствую себя великолепно, возвратившись сюда”!»

Около 6 часов утра 10 августа поднялся ветер, началась метель. Я вылез из палатки – видимость была не более 100 метров. Учитывая обилие трещин в этом районе, решили, что двигаться при такой видимости небезопасно, поэтому до обеда сидели в палатках, пережидая непогоду. К 12 часам немного прояснилось, и мы вышли. Читаю в дневнике: «В час дня видимость была около 5 миль (8 километров), однако по-прежнему сохранялась «белая мгла». Продолжаем движение через район, изобилующий трещинами; каждый привязан страховочным поясом к нартам». Последнее относилось к идущим с нормальными нартами Джефу, Дахо, Кейзо и Жану-Луи. Мы же с Уиллом вышли из положения по-другому: он привязал страховочную веревку к передку нарт и, прикрепив другой ее конец к поясу, скользил, как воднолыжник, рядом с нартами слева от них. Мои маленькие неказистенькие нарты были полностью погребены под спальными мешками, поэтому трудно было найти место, за которое я мог бы привязать страховочную веревку. Наконец-то я его отыскал, привязав веревку к внутренней поверхности полозьев и оставив петлю длиной метра три, которую я мог закрепить на поясе позади нарт. Легкость моих нарт и нерастроченная еще сила пятерых моих собак делали нарты чрезвычайно подвижными и сложными в управлении. Это обстоятельство обнаружилось с самого старта. Когда вслед за упряжками Джефа и Кейзо стартовала упряжка Уилла, мои собаки, не дожидаясь моей команды, рванулись следом. Собаки очень переживают, когда их разделяют; одни из них проявляют это внешне (становятся раздражительными, лают без причины), а другие – переживают молча, но их состояние хорошо заметно, когда они обмениваются красноречивыми взглядами со своими бывшими напарниками и друзьями, волею обстоятельств отлученными от них. После того как мы с Уиллом разделили нашу упряжку, его собаки, идущие впереди, постоянно оборачивались (особенно на поворотах) на моих, а мои изо всех сил старались догнать своих братьев. При этом мои явно считали, что именно их вывели из состава команды, поскольку они видели своего хозяина Уилла впереди – я же был для них человек, хотя и знакомый, но новый, и это придавало им дополнительные силы в их неистовом стремлении немедленно воссоединиться со «своей» упряжкой. В то утро я чуть было не пал жертвой этого их стремления. Рванувшись вслед за убегающей от меня упряжкой, я успел ухватиться за веревочную петлю и в тот же момент почувствовал, что проваливаюсь в трещину. Навер-

ное, в результате интонации моего голоса несколько изменились, так как собаки, до того как-то мало обращавшие внимание на мои интонационные нюансы, резко остановились. Я лежал на животе, провалившись по пояс, снежный мост, прикрывавший трещину, вокруг меня был практически не нарушен, поэтому трудно было судить о ее размерах и направлении. Когда я, подтянувшись на веревке, выполз из трещины, то увидел позади себя аккуратно светящееся голубизной отверстие. Заглянув в него, я оценил глубину трещины как достаточную. Чтобы не испытывать далее судьбу и немного поумерить пыл собак, я оседлал нарты так, что ноги мои, несмотря на два спальных мешка подо мной, почти касались земли, и дал шпоры моим скулящим в нетерпении и тревоге за свое будущее с таким каюром, как я, скакунам. В тот день мы прошли 12 миль и разбили лагерь уже при почти ясном небе.

11 августа, шестнадцатый день. При ясной погоде и комфортной для путешествия на лыжах температуре (около минус 25 градусов) мы подошли к полуострову Черчилл. На карте Антарктиды он действительно выглядит как полуостров, горная гряда которого, вдаваясь в ледник Ларсена, разделяет ледниковые заливы Эйди и Кабинет. Качаясь на гигантских застывших ледниковых волнах залива Эйди, мы поднимались все выше и выше, пока не добрались до гребня ледяной горы, продолжавшей восточный склон гор полуострова и тянувшейся с постепенным понижением с запада на восток. Склад с продовольствием был расположен как раз на этом гребне у горного склона. Благодаря удачно найденному месту он был практически не занесен снегом, и мы заметили его часа за два до подхода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.